

Глава IV.

А.А. БОБРИНСКИЙ И ИЗУЧЕНИЕ БОСПОРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В КОНЦЕ XIX В.

4.1. Новые веяния

А.А. Бобринский был назначен председателем Императорской археологической комиссии 1 февраля 1886 г. и исполнял эти обязанности более 30 лет [о нём см: Тихонов, 2004; Медведева и др. 2009, с. 111]. Надо признать, что он сразу попытался принять необходимые меры к расширению штата Археологической комиссии, введя в её состав третьего младшего члена¹. Новый председатель стремился также к увеличению денежных окладов сотрудникам, которые, по его мнению, должны были равняться содержанию должностных лиц Императорского Эрмитажа [1886 г., д. 71, л. 1]. А.А. Бобринский не стал требовать от директора Керченского музея Ф.И. Гросса изложения его взглядов относительно итогов и перспектив боспорской археологии, что, как помним, сделал А.А. Васильчиков. Он пошёл иным путём, и 25 сентября 1886 г. сам отбыл в командировку на юг России для обозрения Керченского музея и производящихся на Боспоре археологических раскопок, передав свои дела в столице В.Г. Тизенгаузену [1886 г., д. 8, л. 13, 15]. Эта командировка продолжалась почти два месяца, и, надо признать, подобные поездки совершались А.А. Бобринским и в будущем с достаточной регулярностью. Более того, он первым из руководителей ИАК лично проводил раскопки, в том числе под Керчью (см. главу 4.9).

Г.С. Лебедев справедливо писал, что классическая археология Северного Причерноморья в России к началу 1890 годов «в организационном, методическом и фактографическом отношении ... представляла собой наиболее развитый и прочный компонент структуры археологической науки» [Лебедев, 1992, с. 233]. Нет смысла говорить, насколько сложным было это время в истории России. Сложности, естественно, не обошли стороной и Археологическую комиссию. Именно в это время она впервые сталкивается с острой критикой в свой адрес со стороны, так сказать, исследователей на местах, которые упрекали её в отсутствии должной заботы об охране памятников и в излишнем увлечении

¹ Одновременно с этим, правда, планировалось устранить должности помощника директора Керченского музея, художника и канцелярского чиновника при Комиссии [1886 г., д. 71, л. 1]. Должность помощника директора действительно была сокращена, но вряд ли это нововведение можно признать полезным для развития археологических исследований на Боспоре.

классическими древностями [1886 г., д. 71, л. 16-24]. В печати эти взгляды были выражены Д.Я. Самоквасовым, который утверждал, что Императорская археологическая комиссия была учреждена специально для изыскания «образцов классического искусства в курганах южной России», а совсем не для изучения памятников быта народов, населявших этот регион. Он подчёркивал, что на юге России были созданы уже три научных центра (в Керчи, Херсонесе и Ольвии), но ни одного в центральных губерниях. Роскошно изданные «Отчеты Императорской археологической комиссии», по его мнению, не отличались особым вниманием к изложению результатов раскопок. Если сравнивать их с донесениями А.Б. Ашика, то необходимо признать, что эти донесения имеют «более общее и важное значение для русской археологии, нежели специальные объяснения академика Стефани» [Самоквасов, 1908, с. 150]. В чём-то признавая правоту Д.Я. Самоквасова, всё-таки необходимо обратить внимание на некорректность некоторых его высказываний. Так, сравнение публикаций А.Б. Ашика и Л.Э. Стефани не имеет особого смысла, поскольку Л.Э. Стефани не имел отношения к полевой археологии и в отчетах давал лишь профессиональные, глубочайшие по содержанию оценки некоторых обнаруженных на юге России произведений античного искусства. Донесения А.Б. Ашика правильнее сравнивать не с этими комментариями, а с отчетами о раскопках других керченских археологов, к примеру, А.Е. Люценко, но последние, как было сказано выше, отличаются очень хорошим для своего времени качеством. В таком случае вообще не приходится говорить о большей важности для российской археологии трудов А.Б. Ашика, а, возможно, даже наоборот.

Известно, что в середине 1880 годов Императорской археологической комиссии приходилось не только оправдываться от критики, но и буквально защищать право на существование. В 1886 г. В.Г. Тизенгаузену пришлось ответить на обрушившиеся обвинения, составив специальную записку [1886 г., д. 73, л. 1-2]. В этой записке он указал, что Комиссия по мере сил и возможностей заботится о сохранности памятников, в частности, она «на свои средства оберегает» склеп Царского кургана в Керчи, построив при нём сторожку и содержа специального сторожа. Особое внимание к изучению южных курганов В.Г. Тизенгаузен объяснил тем, что они не только более всех других подвергаются грабительским раскопкам, но и дают великолепные результаты, которыми российская наука может заслуженно гордиться. Комиссия сосредоточила свои основные силы на этом предмете ещё и потому, «что исследованию древностей других местностей посвящали себя разные археологические общества наши» [1886 г., д. 73, л. 1]. Далее он резко возражал против распыления средств на археологические исследования в стране и, наконец, указал на важность сохранения принципа централизации дела изучения российских древностей, ссылаясь при этом на европейский опыт.

Непонимание могло возникнуть (точнее, продолжало возникать) и внутри самой Археологической комиссии; её деятельность порой не находила

должного понимания даже в среде людей, связанных с Комиссией многолетней работой. Об этом, в частности, свидетельствует эпизод, имевший место во время увольнения на пенсию директора Керченского музея Ф.И. Гросса. В своём заявлении в ИАК, датированном 3 февраля 1891 г., 69-летний археолог писал [1891 г., д. 28, л. 3]:

«По совершенно расстроенному здоровью моему не могу продолжить службы, вся моя нервная система ослаблена, страдаю застарелым ревматизмом ног, астмой, часто весьма мучительною. Все эти недуги произошли от многолетних занятий по службе при раскопках во всякую погоду, во время работ в сырых могилах, при убийственном, спёртом, сыром воздухе в катакомбах для составления копий с фресковой живописи, что тем более стало для меня трудным за последние 7 лет».

Странно, но будущий директор музея К.Е. Думберг в своём письме А.А. Бобринскому от 5 марта 1890 г. заметил, что В.Г. Тизенгаузен информировал его о вакансии на эту должность, открывающейся в 1889/90 гг. [1990 г., д. 189, л. 1]. Складывается впечатление, что для руководства Комиссии, по крайней мере для В.Г. Тизенгаузена, увольнение Ф.И. Гросса на пенсию было делом решённым или, по крайней мере, желательным ещё до появления официального заявления. Поводом к его написанию, возможно, стало известие о переговорах с К.Е. Думбергом; столь же вероятно, что Ф.И. Гросс был как-то информирован о нелестном отзыве Ю.А. Кулаковского по поводу качества рисунков, которые он снимал с росписей керченских катакомб. По мнению Ю.А. Кулаковского, в этих рисунках имеется «очень много неточностей и погрешностей, как в общем их характере, так и в деталях» [1890 г., д. 31, л. 101]. По этому поводу или независимо от него заявление об уходе было написано, и ИАК принялась хлопотать за назначение заслуженному археологу «усиленной пенсии» в размере 1333 руб. 33 коп. Со службы он был уволен 31 марта 1891 г., но вынужден был продолжать свою работу, поскольку к тому времени должность заместителя Керченского директора по каким-то причинам была отменена [1886 г, д. 71, л. 4, 10] и Ф.И. Гроссу было просто некому передать дела. Двусмысленность такого положения, надо думать, оскорбляла и раздражала больного человека, результатом чего стало резкое письмо, направленное в Археологическую комиссию. В архиве ИИМК РАН это письмо отсутствует, но имеется ответ на него, составленный В.Г. Тизенгаузенем, из которого суть вопроса, несмотря на односторонность трактовок, становится абсолютно ясной. Приведу данный ответ полностью [1891 г., д. 28, л. 32-33]:

«Милостивый государь Фёдор Иванович!

На полученное мною сегодня письмо Ваше от 3-го октября спешу ответить Вам по пунктам следующее:

1. О рисунках, заказанных Вам гр. Бобринским, я не имею ни малейшего понятия, а его самого до сих пор нет в Петербурге.
2. Предположение Ваше, что Археол. Комиссия не выслала Вам денег на раскопки и покупку древностей “из опасения, что Ф.И. из нескольких десятков казённых рублей построит себе Альгамбру”, равно как желание Ваше “предупредить неприличную мысль, что Вы при покупке вещей (у г. Бартоломео) можете иметь какую-либо выгоду” – более чем странно и легкомысленно. Если бы Комиссия когда-либо считала Вас за человека, способного покушаться на чужие деньги, то она не только никогда не приняла Вас на службу к себе, но и не удостоила бы Вас чести включить Вас в число своих членов. Признаюсь, я никогда не ожидал от Вас, что за оказанное Вам доверие Вы способны заподозрить своих товарищей по службе в таких гнусных помышлениях.
3. Не имея под рукой казённых денег, чтобы купить разные древности, которые были принесены в Музей (терракотовые барельефы, вазы и золотой браслет), всякий другой на Вашем месте немедленно телеграфировал бы о том в Комиссию, которая не замедлила бы выслать Вам деньги на покупку их. Не могу не заметить при этом, что благодаря подобному бездействию со стороны Музея, такая прекрасная вещь, как “гнилая сковорода”, могла попасть в руки Ермолая².
4. Решительно не могу понять, почему Вы не нашли нужным немедленно донести Арх. Комиссии о том, что в первых числах февраля по дороге в Аджимушкой оказалась провалившаяся катакомба, требующая исследования, а предпочли спокойно ожидать времени, когда “сирота разбогатеет”. Своеобразное у Вас понятие о служебных обязанностях.
5. Столь же непонятно для меня, почему золотые вещи, найденные в саду г. Бартоломео, не были тотчас же отправлены Вами в Археологическую Комиссию, которая немедленно выслала бы за них деньги, и, следовательно, никак не заслуживает Вашего упрёка в несвоевременной уплате вознаграждения, следовавшего г. Бартоломео. Конечно, всегда гораздо удобнее собственную вину свалить на других.

² Имеется в виду Ермолай Романович Запорожский, один из активных торговцев керченскими древностями в конце XIX – начале XX вв. [Боровкова, 1999, с. 120-124]. Об одном эпизоде его деятельности, связанном с приобретением в Эрмитаже серебряного блюда, см.: Ф, 1, 1891 г., д. 21.

6. Показание Ваше, что первое медицинское свидетельство Ваше было возвращено Вам только тогда, когда Вы получили извещение Комиссии об увольнении Вас от службы, – несогласно с истиной. Оно было возвращено Вам И.А. Сусловым вслед за получением здесь (11 февр. 1891 г.) Вашего прошения об отставке. Так как Вы обвиняете других в нерадении к Вашим интересам, то я должен обратить Ваше внимание на то, что главным виновником проволочки в назначении Вам пенсии оказываетесь Вы сами. Стоило Вам либо самим заглянуть в Свод Законов, либо посоветоваться с толковым человеком, чтобы узнать, что на основании свидетельства, выданного Вам г. Сегелем, без утверждения Врачебной Управы, Министерство двора не вправе ходатайствовать о назначении Вам усиленной пенсии. Затем И.А. Суслов телеграммой от 16-го марта уведомил Вас, что Комиссия с нетерпением ожидает от Вас медицинского свидетельства (нового). Получив от Вас таковое 7-го мая, она на следующий же день отправила это свидетельство в Министерство двора. Что последнее до сих пор не сделало всех необходимых распоряжений по этой части и этим поставило Вас в затруднительное положение, об этом нам, т.е. Вашим сослуживцам, приходится очень сожалеть, но силою заставить Министерство ускорить назначение Вам пенсии, Комиссия при всём своём желании никогда не в состоянии, точно также, как, уволив Вас от службы 31 марта, она не имела ни малейшего права ходатайствовать (как Вы желали) об отмене состоявшегося уже о Вас приказа, т.е. о том, чтобы Вас считали уволенным с 1-го мая и об оставлении невозвращенными полученных уже Вами за апрель содержания и институтской пенсии. Стоило Вам опять поговорить об этом с человеком мало-мальски знакомым со служебными порядками, и он прямо сказал бы Вам, что выполнить такое наивное желание Ваше невозможно. Зачем же Вы опять последствия Вашей собственной оплошности взваливаете на плечи нисколько не виновной в том Комиссии? Сколько мне известно (частным образом), ходатайство гр. Бобринского о назначении Вам усиленной пенсии в количестве 1333 р. 33 к. Министерством двора уважено. Пенсия эта будет уплачиваться Вам с 1 апреля, т.е. со дня официального Вашего увольнения. Но так как Вы по просьбе гр. Бобринского исправляя прежнюю должность Вашу до 1 июля, то Комиссия считает справедливым выдать Вам за эти 3 месяца такое дополнительное вознаграждение, которое вместе с Вашей пенсией будет равняться Вашему прежнему 3-х месячному содержанию. Вознаграждение это будет Вам выслано, как только Комиссия получит от Министерства официальное уведомление о назначении Вам упомянутой пенсии.

7. В том, что Вы лишились возможности поехать весной лечиться на воды, Вы должны опять винить только самого себя. Если бы Вы последовали моему доброму совету просить об увольнении Вас от службы тотчас по получении моего прошлогоднего письма по этому предмету, Вы весной были бы уже совершенно свободны и могли бы уехать куда угодно.

Не посетуйте на меня за непривычный тон, в котором я отвечаю Вам на Ваше письмо. Вы сами вызвали его, признав себя “вынужденным выйти из пределов свойственной Вам скромности”. Охотно верю, что неполучение причитающегося Вам содержания и, может быть, болезненное Ваше состояние расстроили Ваши нервы. Но почему же и по какому праву Вы “на прощание с Комиссией” вымещаете Вашу злобу на мне, всегда оказывавшим Вам самое дружеское расположение? Ваше письмо глубоко оскорбило-опечалило меня.

Ваш покорнейший В. Тизенгаузен».

Можно согласиться с В.Г. Тизенгаузенем, что Ф.И. Гросс не имел формального повода направлять в ИАК столь резкое послание, хотя всякого рода слухи, неопределённость положения бывшего директора, неясности в его материальном положении и пр. для нас должны многое объяснять в его поступке. Из процитированного письма становится окончательно ясно, что В.Г. Тизенгаузен предлагал Ф.И. Гроссу выйти в отставку ещё в 1890 г. и тогда же, как мы знаем, 5 марта этого года предложил К.Е. Думбергу принять должность директора Керченского музея. Ясно и то, что Ф.И. Гросс поначалу на отставку не согласился. Он скончался через пять лет после выхода на пенсию, 12 ноября 1896 г.³ К.Е. Думберг был назначен исполняющим обязанности (тогда это называлось «исправляющим должность») директора Керченского музея древностей с 31 марта 1891 г. [1891 г., д. 37, л. 7, 19], но, по понятным причинам, дела сумел принять значительно позднее, лишь 1 июля этого года [о нём см.: Лазенкова 2001б; 2002а; 2003: 38 сл.; Медведева и др., 2009, с. 171].

4.2. К.Е. Думберг и его взгляд на будущее боспорской археологии

В то время К.Е. Думбергу было всего 28 лет (рис. 69), до этого назначения он служил преподавателем истории и географии в Ревельской (Таллинской) гимназии императора Николая I. С археологической сферой будущий директор

³ Его вдове была назначена пенсия в размере 666 руб. 66 коп., т.е. половина пенсии покойного супруга. (Интересно, правда, какая умная голова додумалась до необходимости назначения пенсии, состоящей именно из таких несколько жутковатых цифр?).

Керченского музея был знаком очень слабо, с ней можно в какой-то мере связывать лишь его деятельность на посту хранителя нумизматического отдела Музея Учёного эстляндского общества при Дерптском (Тартуском) университете в 1882-1889 гг. [1891 г., д. 37, л. 2-3]. В Керчи К.Е. Думберг ранее не бывал [Лазенкова, 2003, с. 39], тем не менее, он активно взялся за непривычное для себя дело и, прежде всего, попытался найти более подходящее место для музея, располагавшего тогда всего тремя маленькими комнатами. Он сумел найти для него помещение в доме А.А. Липко-Парафиевской [1891 г., д. 37, л. 25, 26]. Деятельная натура К.Е. Думберга, однако, явно не хотела ограничиваться лишь этой переменной⁴.

12 июня 1891 г. В.Г. Тизенгаузен направил ему послание с просьбой к концу года представить в ИАК свои соображения о «главных пунктах», на которые тот признает нужным обратить внимание при проведении раскопок, а также о тех мерах, которые необходимо предпринять для устранения грабительских раскопок и перехода случайных находок древностей в частные руки, установления бдительного надзора за добычей камня и земляными работами, «которые могут привести к открытию гробниц и катакомб» и т.п. [1891 г., д. 37, л. 22]. К просьбе петербургского начальства К.Е. Думберг отнёсся в высшей степени серьёзно, и не удивительно, что именно с его именем Ю.Ю. Марти связывал начало периода научной постановки археологического дела в Керчи [Марти, 1926, с. 35]. Для того чтобы понять, в чём заключалась эта «научная постановка», необходимо обратиться к трём достаточно объёмным рапортам, направленным К.Е. Думбергом руководству ИАК. Эти рапорты рисуют весьма любопытную картину состояния боспорской археологии к началу 90 годов XIX в.

Первый из рапортов, составленный 11 ноября 1891 г., касается фундаментальных вопросов, связанных с пониманием роли археологии в современном обществе, судьбы Керченского музея древностей и пр. Приведу этот документ почти полностью при незначительной стилистической правке [1891 г., д. 37, л. 39-44]:

«По своему богатству и разнообразию историко-археологических памятников, с одной стороны, и по своей принадлежности к культуре эллинского мира, с другой стороны, бывшее Босфорское царство занимает бесспорно первое место в России. В некотором смысле оно играет даже подобную роль, как Египет и Греция, Троя и Помпея. Коллекция Эрмитажа и издания Императорской Археологической Комиссии, не говоря о собра-

⁴ По поводу перемен, происшедших в руководстве Керченским музеем, хочется обратить внимание на один факт. В мае 1921 г. К.Э. Гриневич направил в РАИМК отчет о деятельности музея в 1918-1921 гг. В нём он, в частности, писал, что нашёл «полный хаос в делах регистрации археологических памятников: с 1890 г. не вёлся инвентарный каталог древностей» [Ф. 2, 1921, д. 70, л. 16]. Если эта информация верна, то следует сделать вывод, что составление систематических описей керченских древностей было прервано с приходом К.Е. Думберга.

ниях и сочинениях частных лиц, доказывают выдающуюся важность этой страны. Невольно нужно предположить, что такая местность, как, напр., Керчь-Еникальское градоначальство, *должна возбуждать в образованном обществе живой интерес* и сочувствие археологическим исследованиям и вытекающим отсюда научным результатам. Многочисленные следы прежнего блеска, оживлённой политической и бытовой жизни, вообще воспоминания о минувших славных временах способствуют обыкновенно развитию местного историко-археологического патриотизма.

В Керчи, однако, ничего подобного не встречается; вместо интереса и патриотизма господствуют апатия и *отсутствие всякого исторического духа*. Почти вся, так сказать, образованная публика не имеет ни малейшего понятия о судьбе своей родины, о высокой культуре древнего Босфорского царства и о том, что последнее представляет в нынешнее время, чем оно обогатило и обогащает беспрестанно нашу отечественную археологию. Что же касается до низших слоёв здешнего общества, то оно очень интересуется древностями, но, понятно, с точки зрения археологического барышничества. Каждый керченский мещанин, мужик, не говоря уже о т.н. счастливчиках, думает извлекать из археологических находок только наживу для себя. Во главе здешних кладоискателей стоят торговцы вроде Букзиля, Тульмана, Ермолая Запорожского, и хотя таким промышленникам мы обязаны сохранением многих важных памятников древности, но, однако, нельзя упустить из виду, что вред, наносимый “счастливыми”, и их покровителями, далеко превосходит приносимую ими пользу, так как смело можно сказать, что “нахождение” большинства древних вещей связано с *разорением* гробниц. Кроме того, попадают многие вещи *в руки путешественников или вывозятся за границу*. Хорошо, если один или другой предмет поступит в Эрмитаж или в известную частную коллекцию, <но>, как бы то ни было, восстановить раз прерванную историческую связь будет почти всегда невозможно. В Керчи, кроме того, имеется несколько собирателей из интеллигентного класса, но в моих глазах их род занятий сильно шокируется. Не собирая предметы ради барыша (??)⁵ и удовлетворяя лишь простую страсть, они тем самым скорее как бы сочувствуют расхищениям “счастливых”, чем мероприятиям самого правительства.

Требовать от здешней публики, чтобы она с живым интересом сочувствовала и содействовала археологии, разумеется, немислимо. Не только наше керченское общество <смотрит – Ю.В.> на археологию как на довольно странное, в сущности бесполезное <занятие – Ю.В.>, но вместе

⁵ Двойной знак вопроса поставлен в рукописи, он здесь, как представляется, означает, что К.Е. Думберг сильно сомневался в том, что «собиратели из интеллигентного класса» действительно собирали древности не ради барыша.

с тем приятное развлечение. Ко всем наукам без осязаемой пользы почти везде публика относится точно также; она любит тем или другим открытием, радуется той или другой вещи, посещает выставки и музеи, но благородное пробуждение тем и кончается. Причины подобных отношений надо искать не в самой публике, а в людях, посвящающих свои силы науке, в данном случае, археологии. Если публика нам не помогает и не сочувствует, то мы сами виноваты. Мы должны сообщить ей толчок и учить, почему мы копаем и собираем, мы обязаны ей внушить интерес и патриотизм. Публика – это ребёнок, с которым следует говорить просто, наглядно, убедительно и часто без всяких высоких фраз и выражений; нужно думать, что она изменит своё поведение и будет оказывать нам свою посильную помощь. Конечно, всё это в теории хорошо и похвально, но на самом деле не всегда выполнимо. Посмотрим, каким путём и какими средствами можно будет здесь в Керчи добиться желанной цели.

Главным пособием, несомненно, должен служить Керченский музей древностей, но только не в таком виде, в каком он теперь находится. Это не музей, а скорее кладовая для разной древней рухляди, разбросанной без всякой системы и наглядности. Музей состоит из дубликатов или из вещей, негодных для вывоза в С-Петербург. Почему же эти *дубликаты* встречаются здесь в громадном количестве, так, напр., однообразные стеклянные слезницы и глиняные кувшины, хранящиеся целыми столетиями, валяются в сараях! Многие из наших общественных коллекций и учебных заведений были бы очень благодарны, если бы им прислали несколько таких вещей. Пестроте этого археологического магазина соответствуют *неуклюжие шкафы и витрины*, в которых трудно что-нибудь усмотреть, и каталоги, в которых потеряться. Относительно количества хранящихся в музее вещей нужно заметить, что они дают крайне неудовлетворительное представление о богатстве и важности здешней страны. *Музей нуждается главным образом* в приятной для глаза обстановке и в систематическом подборе. Публику привлекает, прежде всего, наружность, кладущая на зрителя приятное впечатление. К тому же понятно, что учёное учреждение должно иметь достойный и солидный вид.

Что же касается до систематического упорядочения музея, то здесь имеется весьма благородное и широкое поле для археолога. Большинство музеев страдает одним неизбежным, крупным недостатком; они, несмотря на все старания и средства, не могут сосредоточить в себе археологию одной страны или одного известного периода и поэтому представляют более или менее пёстрый вид. Даже возможная полнота почти никогда не достигается. В этом отношении Керчь гораздо счастливее. Музей имеет преимущественно древне-классический характер, в его состав входят вещи, находимые в довольно определённых границах и принадлежащие

известному времени. Необыкновенное богатство и разнообразие исторических памятников даёт возможность довольно подробно проследить былую культуру этой страны. Влияние Греции на её отдаленных соплеменников, самостоятельная работа древних колонистов и их соотношения с соседними варварскими народами, процветание, распространение и упадок в политической и бытовой жизни – всё это может найти своё выражение в музее.

Согласно своим правилам Императорская Археологическая Комиссия представляет замечательнейшие из находимых вещей на воззрение Государя Императора, которые затем в большинстве случаев помещаются в Эрмитаж. Вещи, не получившие Высочайшего назначения, остаются в заведовании Комиссии, располагающей ими по своему усмотрению. Очень понятно, что драгоценные и интересные предметы хранятся в Петербурге, в <этом> центре искусств и наук. Но почему здесь (т.е. в Керчи – Ю.В.) не оставлено ни планов, ни рисунков, ни фотографий, ни слепков с этих вещей? Почему, наконец, многие из более интересных находок представляются петербургской публике в десятках экземпляров, между тем как Керчь ничего не имеет? [В виду этих обстоятельств, древности и дела Керченского музея лишают меня на каждом шагу <возможности – Ю.В.> основательнее ознакомиться с ходом и результатами местных раскопок.] Если бы не было вышеизложенных недостатков, то публика при новом порядке дел могла бы получить, во-первых, понятие о том, что здесь было и что здесь сделано, а, во-вторых, *керченский гражданин стал бы гордиться своим музеем и хранящимися в нём ценностями.*

С систематическим упорядочением музея тесно связано *издание хорошего каталога.* Такой каталог должен быть короток и основателен, понятен и не скучен, одним словом, он должен соединять в себе все качества хорошего конспекта-учебника. Почти все каталоги состоят из сухих перечислений, битком набиты непонятными выражениями и написаны скорее для учёного, чем для простой публики, почему никогда и не читаются. При составлении каталога необходимо иметь в виду самый низкий уровень познаний посетителя, ничего от него не требовать и <вместе с тем – Ю.В.> дать ему все поучения и наставления. К этому желательно бы присоединить один или два раза в год *публичные лекции с благотворительной целью.* В них можно поднять вопрос о стремлениях археологии, говорить о работах прошедшего года и т.п. Ученики и ученицы должны быть приглашаемы на такие лекции и вводимы в музей для восприятия любви и уважения к памятникам древности. Такой образ действия не замедлит дать благотворные результаты. Возражение, что хорошо устроенный музей в Керчи, по своему невыгодному географическому положению и по отдалённости от центров цивилизации, будет приносить науке только

сомнительную пользу, не совсем основательно. По всей вероятности, археологи будут работать в этих местах ещё многие и многие десятки лет. Каждому же учёному, несомненно, приятно найти в Керченском музее и его библиотеке необходимые для археологических исследований материалы. Пока будут заниматься историей и археологией южной России, до тех пор и Керчь будет сохранять свой интерес.

Все выше изложенное было *oratio pro domo audiatur et altera pars*⁶. Преобразование Керченского музея древностей стоит, несомненно, много денег. Придётся заказать новые удобные шкафы, витрины, столы, чтобы всему дать необходимый приличный и привлекательный вид, и завести мало-мальски порядочную библиотеку для научных занятий. В раму музея войдут все археологические предметы, связанные с нашей страной – амфоры и монеты, саркофаги и надгробные камни – и всё это должно быть соединено в одном помещении. Нельзя допустить, чтобы одна часть находилась в музее, другая в Царском кургане, третья – в сарае, а четвёртая – на улице. Реорганизация здешнего музея неизбежно обуславливает *постройку нового и целесообразного здания для хранения древностей*. Хорошо устроенный музей не может вести кочующий образ жизни, сегодня находиться в хорошем помещении, а через год – в крайне тесном и неудобном. Такое здание стоит 30 000 рублей, если не больше, его содержание, ремонты, сторож и т.д. требуют также известных сумм. Спрашивается, откуда взять эти деньги? Было бы крайне несправедливым требовать, чтобы Императорская Археологическая Комиссия взяла всё на свой счёт, между тем как город <Керчь> будет бездействовать. Дальше спрашивается, имеются ли силы и умение удовлетворять ожиданиям Комиссии? Предположения и надежды могут остаться без видных результатов, быть может, проглядывает и идеализм. Положим, однако, что надежды исполнятся. Публика интересуется, сочувствует и гордится, учёные посещают наш музей и пользуются его материалами, но всё это не даст, кроме издержек, ни одного гроша. В денежных делах можно рассчитывать только на себя, а не на помощь массы, которая, коль скоро дело дойдет до кошелька, отступит, если не может ожидать осязаемой пользы, т.е. хороших процентов и т.п. ...

Керченский Музей древностей не мог и не может принести никакой пользы в настоящем его виде; он стоит только траты денег⁷. Дальше немислимо, чтобы Императорская Археологическая Комиссия держала в Керчи одного

⁶ Это латинское изречение следует понимать следующим образом: «Все выше изложенное было речью в защиту дома, но необходимо выслушать и другую сторону».

⁷ К.Е. Думберг писал в ИАК, что Керчь имеет четверть миллиона рублей годового дохода, но для охраны памятников древности решительно ничего не делает [1891 г., д. 37, л. 76]. С таким положением он попытался покончить, предложив передать на баланс городского бюджета весь Керченский музей древностей.

из своих членов с обязанностью раскапывать по несколько курганов и катакомб в год, а в остальное время бездействовать. Комиссия может требовать от своего члена гораздо больше. Керченское градоначальство, Таманский полуостров и прилегающие к ним земли ещё могут обогатить археологию в неожиданно широких размерах. Насколько можно было убедиться, здесь очень много раскопано, и очень немного расследовано. Нетрудно доказать, что большинство т.н. расследованных курганов не расследовано, что везде во всех разрытых местах можно наткнуться на новые находки...

Музей древностей, не играющий в таком случае никакой роли, может быть отдан городу или одному из здешних учебных заведений с тем только условием, чтобы все вещи были возвращены, если в Керчи или в одном из российских городов будет учреждён музей для южно-русских древностей. *Для хранения более крупных памятников придётя непременно построить большой сарай у Царского кургана.* Если Императорская Археологическая Комиссия не примет энергичных мер для защиты находящихся там вещей, то они подвергнутся неизбежному разорению. Находимые при будущих разысканиях памятники могут быть распределяемы следующим порядком: одна часть поступает в Эрмитаж, другая – в то заведение, которому будет отдан Керченский музей, а третья, именно крупные памятники, – в *хранилище при Царском кургане*, откуда они во всякое время могут быть вывозимы по мере надобности.

Вопрос о сдаче здешнего музея был, кажется, уже несколько раз предметом серьёзных обсуждений Императорской Археологической Комиссии. Если он будет окончательно разрешён, то я приступлю к составлению подробных и точных описей и к очистке музея от всех лишних и стеснительных дубликатов, которые могут быть распределены по разным музеям и учебным заведениям, между тем как всё остальное, за исключением крупных и трудно помещаемых памятников, перейдёт через один или два года в руки города или одного из здешних учебных заведений. В заведовании Императорской Археологической Комиссии останутся Царский курган, библиотека, все дела, планы, рисунки, фотографии и весь рабочий инструмент. Керченский член Комиссии, не связанный музеем, получит таким образом большую подвижность и не будет заботиться при своих разъездах о судьбе музея, вверенного сомнительному попечению сторожа».

К.Е. Думберг заверял А.А. Бобринского в своей решимости посвятить все силы раскопкам и исследованиям по предварительно разработанному плану. Он намеревался также снимать планы раскопов, карты местностей и т.д. Веря в полезность и реальность проекта преобразования Керченского музея, он, тем не менее, подчёркивал, что в случае его отклонения намерен точно исполнять все предписания, которые будут поступать из Петербурга.

Рапорт К.Е. Думберга был заслушан на заседании Комиссии в январе 1892 г. Вероятнее всего, на собравшихся он произвёл довольно странное впечатление, поскольку, по сути дела, человек, совсем недавно назначенный на пост директора Керченского музея, предлагал исключить это учреждение из структуры Императорской археологической комиссии. Спору нет, в рапорте, помимо этого предложения, содержалось немало верных наблюдений и здравых суждений. Необходимость кардинальных перемен музейной жизни, создание новой экспозиции, расширение библиотеки и т.д., как представляется, назрела уже давно, но вот предложение о переподчинении музея, исключении его из ведомства Императорской археологической комиссии вряд ли можно назвать хорошо продуманным и обоснованным. Керченская городская управа не могла взять на себя такую обузу, она попросту не располагала специалистами в этой сфере. В городе, как явствует из рапорта К.Е. Думберга, даже не существовало общества или кружка любителей боспорских древностей. Возможность передачи музея какому-нибудь керченскому учебному учреждению также была весьма проблематичной. Автор проекта даже не попытался назвать местные учебные заведения, которые, так сказать, были достойны такой чести. Из сказанного можно сделать вывод, что на том этапе Керченский музей древностей мог более-менее нормально существовать и развиваться только в рамках ИАК.

Второй рапорт К.Е. Думберга был направлен в Петербург 19 декабря 1891 г., он посвящён важнейшему вопросу охраны древностей Боспора Киммерийского. Опять же приведу его почти полностью [1891 г., д. 37, л. 45-48]:

«Несмотря на все старания Императорской Археологической Комиссии и предписания г. министра Внутренних Дел, продолжают грабительские раскопки в Керчь-Еникальском градоначальстве с неуменьшенной силою. В сравнении с прежними временами они, по-видимому, даже значительно усилились. Главная причина этого зла заключается в человеческой склонности к кладоискательству, свойственной, так сказать, всем народам. Здесь в Керчи под влиянием богатых находок и под нравственным давлением разных торговцев, собирателей и туристов эта страсть должна была развиваться в особенно широких размерах. Высокие цены и вознаграждения, получаемые время от времени находчиками от торговцев или от правительства, и мало-помалу распространяющееся между простолюдием понимание значения и ценности находимых вещей сильно способствовали развитию кладоискательства. К этому примыкает другая причина – жалкое экономическое положение большей части здешнего населения. Умеренный климат, плодородность страны, сравнительная дешевизна съестных припасов вызывают в низшем классе склонность к праздной, бездельной жизни и к пьянству. В других городах пролетариат занимается отчасти воровством и нищенством, <a> здесь <в Керчи – Ю.В.>, кроме того, ещё кладоискательством.

Вред, наносимый этими промышленниками, состоит преимущественно в разорении гробниц и в перерыве исторической связи между памятниками древности и местом их нахождения; почти везде это лишает нас возможности получить приблизительно верную археолого-топографическую картину данной местности.

Искоренение этого зла, кажется, недостижимо. Не только у нас процветает кладоискательство, оно распространено везде – в Греции, Италии, Египте, и все законы, все запрещения не имеют вполне удовлетворительного успеха. Керченским административным и полицейским властям предписывается запретить всякого рода кладоискательство и следить за точнейшим исполнением в этом роде законов, но все приказания дали до сих пор очень микронические (так в документе – Ю.В.) результаты. Городовые, напр., а их в Керчи 60 человек, скорее, сочувствуют “счастливчикам”, чем заведующему Музеем; <да> и чего можно ожидать от урядника, находящегося в самом близком родстве с Ермолаем Запорожским и даже живущего у последнего? Чем занимается большинство <из> этих 60 городских, мне не известно; на Глинище, в Татарской Слободке и на Митридате я, по крайней мере, видел городских только во время пребывания в Керчи Его Императорского Высочества, Великого Князя Александра Михайловича. На мои представления полицмейстер ответил мне, что он не может ничего сделать, так как, хотя с одной стороны, кладоискательство строго запрещено, с другой стороны, разным субъектам позволяется предпринимать раскопки “на счастье”. Из дел Керченского музея видно, <что> правление Музея заключало в этом отношении с частными лицами даже формальные контракты, и, по дошедшим до меня сведениям, частные лица в прежние времена были неоднократно допускаемы к раскопкам “на счастье” на землях казённых и общественных⁸. Не позволяя себе рассуждать о том, насколько такой образ действия целесообразен, я могу лишь заметить, что уже в силу существующих законов безусловное запрещение всех частных раскопок в том роде, в каком они раньше практиковались, на землях казённых, общественных и церковных, в Керчи по крайней мере, должно быть, во всяком случае, строго соблюдается.

Что же дальше касается до судебных властей, то они до сих пор заведующему Керченским музеем никакой помощи не оказали, извиняясь неполнотою закона, запрещающего раскопки, но не определяющего никаких наказаний за его нарушение. Ожидать поддержки со стороны Городской управы тоже напрасно; <Городская> Дума боится всяких экстренных

⁸ Это действительно так, и, к примеру, А.Е. Люценко позволял частным лицам раскапывать курганы «на счастье», т.е. на свой счёт. Музей при этом имел право выкупа наиболее ценных вещей (Ю.В.).

издержек и нисколько не заботится о сохранении памятников. Так, напр., камень для построек, по постановлениям Думы, должен быть добываем из городских скал. Несмотря на то, жители Татарской Слободки добывают камень преимущественно из сплошных насыпей на горе Митридат и <при этом> не только на земле городской, но и на казённой. Благодаря усердию каменоломщиков, пропадают и уничтожаются многие предметы древности. Есть здесь надсмотрщики, которые обязаны следить за добыванием камня, но один из них, насколько мне известно, принадлежит к числу самых прилежных “счастливи́чков”. Казённые земли подведомственны командиру Керченской крепости. Я обратился к нему с просьбой о более энергичном преследовании копателей на казённой части горы Митридат, и он посоветовал мне войти с ходатайством в Министерство Военных Дел.

Итак, ни от полиции, ни от мировых судей, ни от города нельзя ожидать осязаемой поддержки. Быть может, что через год, по преобразовании мировых судов и городских дум, это состояние изменится к лучшему, но на первое время Императорской Археологической Комиссии придётся надеяться только на свои собственные силы и средства.

Выше было сказано, что окончательное искоренение кладоискательства недостижимо. Его можно только ограничить, но и то не сразу, а малопомалу. Установлению порядка, несомненно, способствовало бы издание более точных и строгих законов о раскопках, продаже и вывозе памятников древности, по образцу, существующих за границей постановлений. Но, так как эти законы ещё долго будут принадлежать к числу археологических “*ria desideria*”, то я позволю себе представить на благоусмотрение Вашего Сиятельства следующие, более конкретные предложения:

- I. Средства, которыми Керченский музей располагает для надзора над предприятиями частных копателей, оказываются крайне неудовлетворительными. Надсмотрщик Семён Зяблов при всём желании далеко не в состоянии следить хоть за одною частью обширной территории, подвергаемой нападением “счастливи́чков”. Кроме того, он уже старик, заслуживающий снисхождения. Во время командировок заведующего музеем, “счастливи́чкам” выпадает полная свобода. Надзор над рабочими при казённых раскопках тоже неудовлетворителен; на основании дошедших до меня сведений, является очень вероятным, что рабочие обманывают и обкрадывают казну. Усиленный надзор необходим, и поэтому я честь имею настоятельно просить Ваше Сиятельство о восстановлении должности второго надсмотрщика при Керченском Музее Древностей, с годовым окладом в триста рублей. Жалованье меньше 300 рублей

⁹ «Благие намерения» (лат.) – Ю.В.

вело бы семейного человека в разные искушения. Кандидатом на место надсмотрщика представляю Павла Варсаблюка, отличающегося честностью и добросовестностью.

- II. В связи с предыдущим предложением покорнейше прошу Ваше Сиятельство исходатайствовать где следует для надсмотрщиков и сторожей Керченского музея видимый знак исправляемой ими должности, а именно бляху с императорским орлом и круговой надписью – “надсмотрщик” или “сторож Керченского Музея Древностей”. Лица, снабжённые бляхой, получают таким образом официальный характер, они будут приведены к присяге, могут составлять акты и будут пользоваться большим авторитетом при исполнении своих обязанностей, чем до сих пор ведется.
- III. Во время моего пребывания в Керчи я убедился, что надзор над “счастливыми” всегда останется недостаточным, если заведующий Музеем сам не будет постоянно контролировать действия своих подчинённых. ... Я не могу ежедневно обходить хоть одну часть близлежащих окрестностей города, не говоря о более отдалённых местах. Частое употребление извозчиков делается тоже невозможным вследствие высокой таксы и разных других неудобств. Поэтому я покорнейше прошу Ваше Сиятельство (т.е. А.А. Бобринского – Ю.В.) о восстановлении прежних развозных денег в размере 400 рублей в год, с прибавлением 200 рублей на будущий год для покупки лошади, рессорных дрог и других принадлежностей. Вместе с тем, прошу покорнейше разрешения Вашего Сиятельства на покрытие путевых издержек по командировкам и ездам вне Керченского градоначальства из сумм, назначенных на археологические разыскания.
- IV. Профессор Ю.А. Кулаковский ходатайствовал летом т.г. перед Керченскою городскою думою об устройстве на счёт города закрытых входов в некоторые из здешних катакомб, как это делается в Италии. Ключи от дверей г. Кулаковский советует вручить владельцам усадеб; от посещения этих памятников туристами могли бы извлекать доход как хранители входных ключей, так и извозчики. Ходатайство было отклонено думою за неимением свободных средств. Исполнение предложения г. Кулаковского немало способствовало бы возбуждению интереса к сохранению древних памятников между простолюдием, но без энергичной инициативы Императорской Археологической Комиссии со стороны города ничего не будет сделано. Принимая в соображение и всю научную важность этого проекта, покорнейше прошу Ваше Сиятельство разрешить мне:

1. Снести с Германским археологическим институтом в Риме для получения точных планов и сведений об устройстве входов в итальянских катакомбах.
2. Устроить из денег, которые будут назначены на археологические разыскания в 1892 году, сперва вход в христианскую катакомбу, открытую г. Кулаковским в 1890 г.
3. Заключить с владельцами катакомб контракты для точного определения их отношений к Императорской Археологической Комиссии, посещения катакомб и платы за вход.
4. Принять все меры, чтобы здешнюю публику и туристов поощрять к посещению катакомб, и условиться с извозчиками о приличной таксе.
5. Напечатать краткое описание катакомб, которые будут продаваться владельцами за 5 или 10 коп.
6. По возможности привлечь город к участию в издержках Императорской Археологической Комиссии».

Вслед за этим рапортом, 31 декабря 1891 г. в С-Петербург был направлен ещё один, третий по счёту [1891 г., д. 37, л. 49-52]:

«При попытке ознакомиться с археологической топографией моего района оказалось, что достижению этой цели противостоят значительные затруднения. Главным пособием для изучения археологической топографии служат подлинные журналы прежних директоров Керченского музея и отчёты Императорской Археологической Комиссии о разысканиях лиц, откомандированных сюда для производства раскопок. К сожалению, журналы и отчёты страдают одним крупным недостатком, а именно – отсутствием подробных карт, планов, рисунков и т.п. Отыскивание и определение одного раскопанного места на основании более или менее точного описания без всяких вспомогательных средств часто очень трудно, иногда даже невозможно. Большие курганы и характеристические местности, носящие сверх того особые названия, ещё довольно легко отыскиваются. Если же в журнале сказано, <что> “расследовано 50 гробниц возле Нового карантина” или “открыта одна катакомба на северной покатости горы Митридат”, то эти слова дают для определения места крайне шаткое основание.

Город Керчь и его ближайшие окрестности представляют в настоящее время такой вид, что положительно невозможно хотя бы приблизительно ориентироваться в прежних казённых раскопках. Археолог, приезжающий сюда на два или три месяца, не в состоянии получить ясное представление об исследованиях своих предшественников. Изучить топографию по материалам, хранящимся в Петербурге и в Керчи, невыносимо; это требовало бы слишком много времени и, в конце концов, имело бы только скромные результаты. Археолог, недостаточно знакомый с топографией, вечно будет колебаться при выборе новых мест, и с ним очень легко может случиться, особенно если ему технические приёмы не хорошо известны, что он попадает на старые раскопы и т.п.¹⁰ Везде спрашивается, кто здесь копал и когда, что там было найдено, и очень часто приходится прибегнуть к неудовлетворительным указаниям необразованных надсмотрщиков, которые иногда сами ничего не знают. Понятно, что вследствие помянутых неудобств страдает всё дело. С ними приходилось бы несравненно меньше бороться, если бы каждому представлялась возможность пользоваться надёжным путеводителем, т.е. хорошою археолого-топографическою картою, удовлетворяющею всем практическим потребностям.

Нельзя сомневаться, что археологическая карта, если она будет целесообразно составлена, могла бы и науке оказать некоторые услуги. В историческом развитии человечества нет ничего случайного, везде существует тесная причинная связь, и главная обязанность исследователя состоит в соединении отдельных исторических данных по их взаимному отношению к месту и времени, причём все факты, входящие в раму какой бы то ни было науки, должны быть рассматриваемы с одинаковым вниманием. К тому <же> необходимо, чтобы при каждом научном исследовании было обращено серьёзное внимание на систематическое упорядочение и группирование материала.

Обширный керченский некрополь, напр., представляет целый ряд типичических явлений от громадных курганов и пепелищ до самых скромных земляных гробниц. Все эти памятники можно различить по известным признакам, и все части одной характеристической группы показывают более или менее замечательную связь как между собой, так и между частями других групп. Из последовательного же исторического развития каждой группы отдельно и всех групп в совокупности составляется история керченского некрополя. Чтобы получить представление об этой истории, следовало бы весь некрополь, насколько это возможно, подвергнуть тщательному

¹⁰ Такого рода неприятности грозят особенно в местностях, исследованных правительством до основания Имп. Арх. Комиссии. Керченский музей имеет об этих разысканиях отчасти самые скудные сведения (прим. К.Е. Думберга).

и систематическому исследованию. К сожалению, нужно признать, что ни одна часть керченского некрополя, по-видимому, окончательно не исследована и что раскопки отчасти имеют довольно непоследовательный и случайный характер. Причины недостаточных разысканий объясняются крупными денежными издержками, связанными с обширными раскопками, историческим развитием научных взглядов на археологические исследования вообще и очень понятным стремлением многих копателей находить побольше ценных вещей, т.е. золотых и серебряных. Курганы на Юз-Обе и катакомбы на Митридате неоднократно разрывались, но нельзя сказать, чтобы были исследованы. Богатые находки отсюда не должны быть, конечно, целью археологических разысканий. Не только на богатые гробницы должны быть направляемы силы археологов-копателей; каждый курган, каждая катакомба имеет свою историю, требующую всестороннего объяснения. Чем тщательнее и добросовестней будут производиться раскопки, служа науке и не стремясь к богатству, тем более можно будет рассчитывать на удовлетворительные научные результаты.

Поправить все упущения прежних времен очень трудно и дорого. К тому <же> нужно заметить, что одна часть керченского некрополя будет недоступна научным исследованиям на бесконечное время. Город двигается вперёд, и поэтому следовало бы всеми силами спасти то, что до сих пор ещё не подверглось разрушению.

Было бы, однако, неуместным сейчас приступить к этим работам и возобновить раскопки в больших размерах. Вышесказанные предположения и соображения, основанные на наблюдениях одного только полугодия, быть может, окажутся несправедливыми и опрометчивыми. Во избежание всяких упреков нужно будет привести доказательства, т.е. сперва точно определить, что до сих пор было сделано, потом же возможно будет с твёрдостью указать на то, что следует еще сделать. И того, и другого можно будет добиться при настоящем состоянии дел только на основании хорошей археологической карты, состоящей из двух частей – из самой карты и из принадлежащего к ней комментария.

Сообразно с практическими и научными потребностями необходимо будет, чтобы карта исполняла следующие условия. Она должна быть надёжною, ясною и наглядною, так чтобы возможно было по ней получить представление об археологическом характере всей страны и, вместе с тем, приблизительно ориентироваться в каждой данной местности. Для более лёгкого достижения этих двух целей нужно будет составить карту в большом масштабе, так как на маленькой карте нельзя ничего найти¹¹. Чтобы формат карты не переступал известных размеров и все последующие архео-

¹¹ Так, напр., карта Кубанской области, составленная Фелицыным, не может принести никакой

логи были бы в состоянии нанести на той же самой карте результаты своих исследований, придётся, особенно же в более раскопанных странах, ограничиться узкими пределами. В менее известных странах (т.е. на участках – Ю.В.) было бы зато желательно обратить внимание не только на самый предмет исследования, но и позаботиться об археологической топографии окрестности, пользуясь при этом, напр., картою Генерального штаба.

Однако и при ограниченных пределах и большом масштабе нельзя будет удовлетворять всем справедливым требованиям. Уже по техническим причинам может, напр., генеральная карта Керчь-Еникальского градоначальства только в общих чертах обнаружить археологический характер всей страны, место и размеры раскопок. Подробностей нельзя от неё ожидать, это задача специальных карт и планов, составляющих необходимое дополнение к генеральной карте. Специальных карт заслуживают, главным образом, замечательные местности, как то гора Митридат или станция Сенная, но и во всех остальных случаях составление таковых было бы весьма желательно. Относительно отдельных исследований и раскопок само собою разумеется, что и здесь должно быть обращено серьёзное внимание на топографический материал: чем больше карт, планов, рисунков и фотографий, тем лучше.

Последние из упомянутых требований и условий связаны с объяснительным комментарием, без которого и самая лучшая карта будет оказывать неудовлетворительные услуги. Комментарий должен содержать в систематическом порядке все сведения, относящиеся к топографии не только всей области, но и всех мелких местечек, раскопок и находок. При составлении комментария могли бы сочинения К. Гёрца о топографии Таманского полуострова в некотором отношении служить образцом. Избегая всех лишних подробностей и рассуждений, комментарий должен состоять из кратких объяснений и указаний на источники, дающие материалы для дальнейших учёных работ, одним словом, он будет иметь вид археолого-топографического словаря. На систематический и органический порядок словаря, облегчающий его употребление, должно быть обращено самое тщательное внимание.

Итак, от археологической карты и её комментария можно ожидать, кроме упомянутых, ещё следующие выгоды:

1. Получится более или менее наглядное представление о размерах,

пользы. Одну карту Таманского полуострова следовало бы составить по крайней мере в 4 раза больше всей карты Кубанской области (прим. К.Е. Думберга).

Карта Е.Д. Фелицына была издана Императорским Московским археологическим обществом в 1882 г. Она, вопреки критическому мнению К.Е. Думберга, сыграла большую положительную роль в деле изучения прикубанских древностей [Сысоев, 1904, с. III; Стёганцева, Рысин, 2009, с. 689-691].

последовательности и основательности сделанных до сих пор исследований.

2. Выяснится, в каких местах нужно будет возобновить раскопки.
3. Выбор места меньше будет зависеть от усмотрения каждого копателя.
4. Императорская Археологическая Комиссия получит возможность точно указать на места, требующие расследования и, вместе с тем, контролировать деятельность своего уполномоченного.
5. Археолог-копатель познакомится поскорее со всеми интересующими его материалами, не потеряет времени и выучит основательные технические приёмы.

Осуществление этого проекта связано с большими затруднениями и, несмотря на все старания, будут в конце концов везде обнаруживаться чувствительные недостатки и пробелы. Предприятие такого рода требует тщательного приготовления, много времени, денег и, главным образом, живейшего содействия Императорской Археологической Комиссии. Все карты, планы и рисунки, принадлежащие к отчётам бывших директоров Керченского музея, равно как и все бумаги, касающиеся керченских и таманских раскопок и хранящиеся в архиве Императорской Археологической Комиссии, должны быть для пользования постепенно высылаемы в Керчь. Относительно необходимых книг придётся также просить помощи Императорской Археологической Комиссии и разных учёных учреждений, так как библиотека Керченского музея отличается крайней бедностью.

Позволяя себе надеяться, что Вашему Сиятельству благоугодно будет обратить внимание на мои почтительнейшие представления, считаю долгом ещё раз вкратце привести главные пункты, которые в следующем году с разрешения Вашего Сиятельства могли бы составить кругозор моей деятельности:

1. Привести Музей в надлежащий порядок и очистить его от всего лишнего балласта.
2. Устроить усиленный надзор над “счастливчиками” и позаботиться о сохранении памятников древности.
3. Пополнить библиотеку Музея Древностей.
4. Построить сарай у Царского кургана.
5. Основательнее познакомиться с археологическою топографией Керченского градоначальства, начав предварительные и подготовительные работы для составления археологической карты, причём обратить главное внимание на гору Митридат.

В конце следующего года надеюсь представить Вашему Сиятельству в виде образца маленькую часть археологической карты с комментарием

и, вместе с тем, подробную записку о продолжении или же о прекращении всего предприятия. Для археологических разысканий, покупки древностей и разных других предприятий потребовалось бы на следующий год 3 000 рублей».

Два последних рапорта К.Е. Думберга были рассмотрены Археологической комиссией 11 января 1892 г., и в ответе на эти послания содержится поддержка некоторых из имеющихся в них предложений [1891 г., д. 37, л. 53-54]. Прежде всего, это касается мер в отношении усиления полицейского надзора за незаконными раскопками. Комиссия вскоре обратилась к министру внутренних дел с просьбой «об устранении кладоискательства в Керчи». Не удивительно, что в январе 1894 г. керчь-еникальский градоначальник направил в ИАК послание, в котором отметил, что дело борьбы с незаконными раскопками при К.Е. Думберге вышло из упадка. Полицейские стали привлекать грабителей к ответственности, так что многие из них переключились на другие, вполне законные сферы деятельности. Вместе с тем, высокопоставленный чиновник с солдатской прямоотой попенял, что кара, постигающая грабителей древних могил, слишком незначительна. Он предлагал принять закон, по которому виновные лица подвергались бы тюремному заключению: в первый раз – на месяц, во второй – на три месяца, в третий – на год с высылкой осуждённого за пределы Керчь-Еникальского градоначальства. «Только при таких карательных мерах, – по его мнению, – можно с уверенностью сказать, что памятники старины будут охранены от рук людей, для которых предметы эти дороги как средство наживы» [1891 г., д. 37, л. 140-141].

Кроме того, в ответе из Археологической комиссии К.Е. Думбергу предлагалось составить опись всех древностей, хранящихся в музее, с указанием в ней тех предметов, которые могли быть переданы в другие музеи. В виде эксперимента было разрешено нанять второго надсмотрщика, но жалование ему следовало выплачивать из сумм, которые отпускались музеем для археологических исследований. Вторым надсмотрщиком, как и предлагал К.Е. Думберг, стал бывший сторож музея П. Варсаблюк [1891 г., д. 37, л. 61]. Покупку новых шкафов и витрин было решено отложить до приобретения для музея постоянного помещения. Комиссия признавала также, что необходимо изыскать удобный способ сохранения катакомб, но на связанные с этим финансовые затраты она опять же не была готова. К.Е. Думбергу было разрешено «заниматься исподволь» составлением археологической карты окрестностей Керчи и т.д. Наконец, ему предлагалось прислать в Комиссию список книг, необходимых для библиотеки музея и смету постройки сарая при Царском кургане. Надо признать, что музейная библиотека в то время действительно находилась в весьма жалком состоянии: в ней насчитывалось всего 135 наименований книг

и периодических изданий [1891 г., д. 37, л. 69]. Вскоре сюда начали поступать посылки с книгами из различных научных учреждений России, и библиотека стала постепенно пополняться. Это положительное явление, безусловно, следует связывать с деятельностью К.Е. Думберга.

Ещё одним из осязаемых результатом трёх рапортов стало разрешение на разработку знака для надсмотрщиков музея, и такой знак на самом деле был подготовлен (рис. 70). В Архиве ИИМК РАН нет материалов, свидетельствующих, что этот знак был отчеканен и, соответственно, вручён сотрудникам музея. Тем не менее, это, скорее всего, произошло, и бляха с изображением двуглавого орла и круговой надписью «Надсмотрщик Керченского музея» была введена для практического пользования в 1892 г. [Боровкова, 1999, с. 141].

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что три приведённых выше рапорта были написаны человеком, в общем, очень мало знакомым с боспорской археологией и вообще реалиями керченской жизни. Напомню, что во втором из них (от 19 декабря 1891 г.) К.Е. Думберг писал о безусловном запрете частных раскопок на казённых, общественных и церковных землях. Вскоре, однако, он сам предложил отказаться от абсолютности этого принципа. Дело в том, что в это время Керчь, прежде всего гора Митридат, быстро застраивалась частными лицами, при этом даже в случае уплаты полагающейся суммы земля не становилась частной, так сказать, автоматически, а оставалась в ведении города до составления купчей крепости, т.е. иногда на достаточно долгое время. Оценив эту ситуацию, К.Е. Думберг 30 января 1893 г. направил письмо А.А. Бобринскому [1891, д. 37, л. 104-105]. В нём говорится, что, поскольку археологический надзор за всеми керченскими дворами решительно невозможен, то директор музея стал иногда разрешать раскопки во дворах домовладений, деньги за которые не были выплачены или же ещё не составлена купчая крепость. Работы эти, однако, осуществлялись под надзором надсмотрщиков музея, а в исключительных случаях – самого директора. За найденные вещи раскопщикам выплачивались деньги; в случае неудачи кладоискатели оставались без всякого вознаграждения (как написал К.Е. Думберг, «без возмездия»). По мысли исследователя, такие раскопки имели ещё и ту пользу, что отвлекали «счастливиц» от работ в более отдалённых местностях, контроль за которыми был очень затруднён.

Допуская частные раскопки, К.Е. Думберг, вместе с тем, подчеркивал, что было бы весьма желательно, чтобы получение разрешения на такую деятельность было сопряжено с большими затруднениями. Он просил А.А. Бобринского выдать ему официальное предписание следующего содержания [1891 г., д. 37, л. 104-105]:

«1. Все хозяева земельных участков, за которыми полное право собственности ещё не утверждено, желающие получить разрешение

на производство археологических раскопок в своих дворах, должны мне подавать формальное прошение с двумя гербовыми марками по 80 коп.

2. Раскопки производятся на известных условиях, составленных в форме законной подписки, подаваемой мне хозяином и его рабочими.
3. Отступление от этого предписания предоставляется моему усмотрению (если, напр., мне самому будет интересно производить раскопку у того или другого хозяина)».

Ответ ИАК, подготовленный В.Г. Тизенгаузенем, был направлен в Керчь 30 января 1893 г., но прямого ответа на предложения К.Е. Думберга он не дал [1891 г., д. 37, л.106]:

«... Археологическая Комиссия вполне одобряет такое распоряжение Ваше, <но> опасается, что испрашиваемое Вами предписание, осложняя дело формальностями и, требуя от людей бедных денежных расходов на подачу прошения и составление формальных подписок, поведёт скорее к большей утайке частных раскопок, чем к упрощению контроля над ними. Вследствие этого Комиссия поручила мне войти с Вами предварительно в ближайшее обсуждение этого дела и выяснить подробнее те причины, которые побуждают Вас ходатайствовать о вышеозначенном предписании. Кроме того, Комиссии желательно было бы получить от Вас выработанный на основании закона и местных условий проект правил вообще об охране керченских древностей (при содействии местной полиции и городской думы), круг действий заведующего Керченским музеем древностей, обязанности надсмотрщиков и т.п.»

Вопросы, поставленные В.Г. Тизенгаузенем в этом письме, нуждались в самой серьёзной проработке, и, как представляется, у К.Е. Думберга на это просто не хватило времени, во всяком случае, они были оставлены без ответа. Последняя попытка К.Е. Думберга модернизировать работу вверенного ему учреждения была связана с решением ввести униформу для надсмотрщиков, сторожей музея и пр. Просьба об этом была направлена в ИАК в октябре 1899 г. [1891 г., д. 37, л. 225]. Такое решение в наши дни выглядит несколько странно, если даже не сказать комично, но царская Россия, как известно, была империей мундиров. В общественном сознании того времени прочно утвердилась мысль, что ношение мундира дисциплинирует, способствует лучшему выполнению обязанностей, повышает самооценку и оценку его обладателя со стороны окружающих и т.д. В ИАК был направлен список

сотрудников Керченского музея, которым предполагалось выдать форменную одежду; он состоял всего из шести фамилий [1891 г., д. 37, л. 227]. Скорее всего, этот проект не нашёл поддержки и, вероятно, вовсе не рассматривался. Дело в том, что 12 апреля 1900 г. К.Е. Думберг обратился к А.А. Бобринскому с просьбой об отставке, мотивируя это ухудшением состояния здоровья, точнее, обострившимся ревматизмом [1891 г., д. 37, л. 235]. Это решение директора Керченского музея, надо думать, имело под собой причину не только в ухудшении здоровья или каких-то местных настроениях, но и в конфликте, возникшем тогда в недрах Императорской археологической комиссии [Медведева и др., 2009, с. 173].

Председатель Археологической комиссии поначалу попытался отговорить К.Е. Думберга от такого решения и сохранить для Комиссии «столь трудолюбивого и просвещённого ея деятеля» [1891 г., д. 37, л. 236], но тот был непреклонен. Вопрос о кандидатуре нового заведующего Керченским музеем для ИАК по понятным причинам был чрезвычайно важным, и дело об увольнении К.Е. Думберга затянулось более чем на год. В том, что он был серьёзно болен, и в том, что болезнь эта в немалой степени объяснялась профессиональной деятельностью, не может быть ни малейших сомнений. Здесь, однако, имеется ещё один немаловажный аспект: К.Е. Думберг мечтал о переводе в Петербург, планируя передать раскопки на Боспоре другому лицу, оставив за собой «главное руководство и контроль» [1891 г., д. 37, л. 259]. Он считал, что петербургский климат, без сомнения, благотворно повлияет на его здоровье [там же, л. 258], что, надо признать, сейчас звучит достаточно странно. Претензии К.Е. Думберга на особое положение в российской археологии в Петербурге вряд ли были встречены с пониманием, а его упрямство, по всей видимости, стало попросту раздражать¹². Вся эта история закончилась тем, что 15 июля 1901 г. К.Е. Думберг, которому тогда не было и 39 лет, был уволен со службы с мизерной пенсией в 333 руб. 33 коп. в год [там же, л. 278, 307-308; Лазенкова, 2003, с. 46-47]¹³. Дела от него принял преподаватель Керченской Александровской гимназии, хранитель Мелек-Чесменского кургана Одесского общества истории и древностей статский советник В.В. Шкорпил.

¹² Немалое раздражение чувствуется в телеграммах, которыми обменялись В.В. Латышев и К.Е. Думберг в июле 1901 года. В.В. Латышев, занимавший тогда пост товарища председателя ИАК, потребовал от бывшего директора Керченского музея сообщить, сколько осталось денег от ассигнованных ему на раскопки 200 рублей [1901 г., д. 12, л. 14]. Ответ К.Е. Думберга был краток: «Два рубля» [там же, л. 15].

¹³ Дальнейшая судьба К.Е. Думберга практически не известна, но есть основания считать, что после отставки он вернулся в г. Дерпт (совр. Тарту).

Рис. 69. Карл Евгеньевич Думберг [ФА, Г 7530].

Рис. 70. Нагрудный знак надсмотрщика Керченского музея, утверждённый 26 мая 1892 г. по рисунку архитектора Г. Солтыковича [1891 г., д. 37, л. 94].

4.3. Раскопки грунтовых и курганных некрополей на европейской стороне Боспора

Что касается исследований грунтовых некрополей, производившихся при А.А. Бобринском, то они продолжались с прежней регулярностью. Основным объектом изучения, естественно, оставался некрополь Пантикапея. Здесь время от времени попадались любопытные гробницы. Так Ф.И. Гроссом в 1887 г. во время раскопок на Аджимушкайской улице была обнаружена грунтовая могила, в которой поверх небольшого слоя грунта над телом погребённого было открыто скопление древесных углей и пахучей смолы, очевидно, ладана, а также стеклянный бальзамарий (рис. 71). По замечанию исследователя, смола издавала приятный запах, если её помещали в огонь [1887 г., д. 21, л. 28 об.]. Там же в одной из гробниц была найдена каменная плита вторичного использования, на которой была высечена надпись [рис. 72; 1887 г., д. 21, л. 29].

Кроме того Ф.И. Гросс продолжал проводить свои исследования согласно издавна заведённым правилам. В 1886 г. он вновь предпринял раскопки около Мирмекия, в результате чего был исследован курган, находившийся за оградой Нового карантина (высота – 2,5 м, окружность основания – около 130 м). Основная гробница в этом кургане была разграблена, но рядом с ней, возможно, в грабительском выкиде была найдена любопытнейшая группа терракотовых статуэток (12 экз.): мальчик с гусем и петухом; Аттис, поражающий быка; всадник, преследующий зайца; Афродита с дельфином и др. [1886 г., д. 7, л. 32; см.: ОАК, 1882-1888, с. СII]. В насыпи этого кургана к тому же были обнаружены впускные поздние погребения, костяки в которых лежали головами на запад. Ф.И. Гросс посчитал их генуэзскими [1886 г., д. 7, л. 32], и в этом он, безусловно, был прав – здесь действительно существовал некрополь XIII–XIV вв., который можно связывать с небольшим генуэзским укреплённым поселением Пондико, построенным на руинах древнего Мирмекия [Бутягин, 2003; Бутягин, Виноградов, 2006, с. 49-51]. В 1887 г. директор музея продолжил изучение двух курганов за оградой Керченского карантина, насыпей в конце Карантинной слободки и у дачи Павловича, но они оказались безрезультатными [1887 г., д. 21, л. 27; см.: ОАК, 1882-1888, с. CLXXI]. В 1889 г. при изучении некрополя Мирмекия были открыты три неразграбленные гробницы, в которых были найдены три лекифа с пальметками и «этрусский флакон с пальметкой» [1889 г., д. 30, л. 18; см.: ОАК 1889, с. 9-10]. Эти предметы, во всяком случае последний из них, следует считать довольно ранними, относящимися ко времени поздней архаики. Ещё один «этрусский флакон» с изображением женской фигуры был обнаружен здесь Ф.И. Гроссом позднее [1889 г., д. 30, л. 19].

С 1888 г. в Керчи стал проводить работы председатель Археологической комиссии, который поначалу имел намерение предпринять исследования на Юз-Обе (см. главу 4.9). В таких условиях самостоятельные работы директора

Керченского музея, по понятным причинам, были сильно затруднены; в 1889 г. Ф.И. Гросс был вынужден вообще прекратить раскопки и всех своих землекопов направить в распоряжение А.А. Бобринского [1889 г., д. 30, л. 7, 16]. В 1890 г. Археологическая комиссия обратилась к профессору Киевского университета Св. Владимира Ю.А. Кулаковскому с просьбой принять на себя руководство раскопками керченских гробниц, обещая ему помощь со стороны хорошего специалиста – Ф.И. Гросса [1890 г., д. 31, л. 56], и это приглашение было принято (о работах Ю.А. Кулаковского см. главу 4.10).

Об исследованиях председателя Археологической комиссии в Керчи можно кратко сказать следующее (подробнее см. главу 4.9). В 1887 г. городом Керчь были приобретены земли Ф. Багера, на которых лежали самые западные курганы цепи Юз-Оба. Сразу же возник вопрос о необходимости их раскопок, но переговоры с арендаторами земли затянулись [1887 г., д. 21, л. 4-8]¹⁴. В конце концов один курган здесь был исследован Ф.И. Гроссом летом 1888 г., а второй, самый крайний в цепи Юз-Обы на западе (так называемый курган Мирзы Кекуватского), раскапывался А.А. Бобринским в 1888-89 гг. В 1891 г. председатель Археологической комиссии, проводя масштабные исследования одного из пантикапейских «пепелищ», обнаружил ранний курганный некрополь этого города, что, разумеется имеет очень большое значение.

С 1891 г. к изучению боспорских древностей приступил новый заведующий Керченским музеем К.Е. Думберг [ОАК, 1891, с. 67-68]. Ещё раз можно обратить внимание, что поначалу он не имел никакого опыта проведения археологических работ. Вероятно, в какой-то степени этим следует объяснять его доверчивость к рассказам местных жителей о якобы известных тем местах, где татарами или другими лицами были зарыты клады. К.Е. Думберг в этих местах, естественно, ничего не нашёл и только зря потратил время [1891 г., д. 84, л. 2-7; 1891 г., д. 165].

Первые опыты самостоятельных серьёзных раскопок нового заведующего музеем тоже не очень впечатляют, хотя, как представляется, он пытался следовать методике своего выдающегося предшественника – А.Е. Люценко. Нет сомнения, что раскопки велись под наблюдением опытного надсмотрщика Семёна Зяблова, который, как представляется, ошибок не допускал¹⁵, а вот

¹⁴ Надо признать, что и ранее А.Е. Люценко вёл долгие переговоры с Ф. Багером по поводу исследования курганов Юз-Обы, лежащих на его землях. Из-за непомерных денежных запросов владельца земли и его наследников эти переговоры не дали положительного результата [1862 г., д. 17].

¹⁵ 9 апреля 1900 г. за усердие в деле сохранения и изучения боспорских древностей Семён Зяблов был награждён серебряной медалью для ношения на шее на станиславской ленте [1899 г., д. 17]. С 1 октября 1901 г. ему было назначено пособие из средств ИАК в размере 360 руб. в год [1902 г., д. 122, л. 9]. После смерти заслуженного археолога, 24 октября 1909 г., пособие в размере 180 руб. стало выплачиваться его вдове [там же, л. 20].

интерпретация результатов этих работ всецело принадлежит К.Е. Думбергу. В 1891 г. он открыл ограбленную катакомбу на северном склоне горы Митридат [1891 г., д. 84, л. 27], затем доследовал гробницу во дворе Семёна Белого¹⁶, ход раскопок и обнаруженные здесь предметы неплохо описаны в отчете [там же, л. 28). Наконец, К.Е. Думберг обратился к доследованию большого кургана, лежавшего по Аджимушкской дороге, который, вероятно, в своё время раскапывал А.Е. Люценко. Эти работы опять же сравнительно неплохо документированы [1891 г., д. 84, л. 28 сл.], хотя рассуждения автора о последовательности возведения обнаруженных под насыпью погребальных сооружений вызывают очень большие сомнения. Ясно, что основным погребальным комплексом здесь был каменный склеп с «египетским» (уступчатым) сводом. Этот склеп был ограблен, но с ним, возможно, следует связывать обломок краснофигурного кратера с изображением амазонки, сражающейся с грифоном, обнаруженный в насыпи кургана (рис. 73). К.Е. Думберг посчитал, что эта находка относится ко II в. до н.э. [там же, л. 31], что выдаёт его полное незнание древнегреческой расписной керамики. Почти нет сомнения, что А.Е. Люценко или Ф.И. Гросс датировали бы этот фрагмент IV в. до н.э.

В 1892 г. К.Е. Думберг, в принципе, продолжил действовать в русле работ предшествующего года: надсмотрщики музея докладывали ему, что в той или другой части Керчи «счастливчики» обнаружили или пытаются обнаружить гробницу, что в том или ином керченском дворе или огороде владельцы нашли что-нибудь интересное и т.п. Директор музея принимал необходимые меры, спасая памятники древности, и в ряде случаев ему удавалось открыть действительно очень показательные, информативные археологические комплексы [1892 г., д. 39, л. 8 сл.]. Например, во дворе мыловаренного завода Зидорфа по Аджимушкской улице он открыл могилу, в которой погребённый был уложен на толстом слое морской травы головой на юго-запад; при нём находились черепки грубого горшка из чёрной глины (лепного?) и повреждённый лекиф с черным украшением, вероятно, чернофигурный [1892 г., д. 39, л. 22]. Ещё более интересна каменная гробница, исследованная К.Е. Думбергом около так называемого Собачьего кургана [там же, л. 23 сл.; см.: ОАК, 1892, с. 29-31]. В ней в составе погребального инвентаря наряду с прочим находились пять ваз: две леканы, желобчатая чернолаковая пелика, украшенная изображением золочёного венка на горле, краснофигурная амфора с весьма небрежным изображением борьбы двух амазонок с грифоном (рис. 74) и сильно потёртая амфора с росписью (бой греческого воина с двумя амазонками), нанесённой водяными красками.

Сочетание поздних краснофигурных vaz с «акварельным» сосудом позволило исследователю датировать эту гробницу II в. до н.э., что сейчас представляется

¹⁶ Эту гробницу начал самовольно раскапывать сын хозяина дома. По настоянию К.Е. Думберга за свои противоправные действия он получил пять суток ареста [1891 г., д. 84, л. 28].

абсолютно неверным. Тем не менее идея о поздней датировке краснофигурной керамики на Боспоре очень увлекла К.Е. Думберга; по этому поводу он писал: «Вазовая живопись прекращается в боспорских городах позднее, чем в самой Греции, и её произведения, по всей видимости, гораздо моложе, чем обычно полагают» [1892 г., д. 39, л. 26]. Действительно, «акварельные» вазы, скорее всего, стали производиться на Боспоре после прекращения массового ввоза художественной керамики из Афин, точнее, после прекращения её производства там. Однако поздние краснофигурные вазы вряд ли могли «дожить» до II в. до н.э.

К.Е. Думберг был во многом прав, когда писал: «Хронология составляет одну из очень слабых сторон южнорусской археологии, и это объясняется главным образом тем, что гробничные находки очень часто рассматриваются не в совокупности и не в связи с другим, находящимся более в стороне материалом» [1892 г., д. 39, л. 26]. Действительно, разработка корреляции находок, происходящих из погребальных комплексов, в целях наиболее достоверной их датировки имеет огромное значение для археологической науки. Это направление исследований, в принципе, могло дать положительный результат уже в конце XIX в., но лишь при условии опоры на хорошо установленные, проверенные опытом хронологические атрибуции. Директор Керченского музея, по всей видимости, считал надёжно установленной датировку «акварельных» пелик, а не аттической расписной посуды.

В подтверждение поздней датировки могилы 1892 г. автор раскопок привлёк происходящие из неё монеты, на одной из которых изображена голова быка с надписью PAN, на другой – протома грифона с аналогичной надписью. Эти находки сейчас можно датировать совсем не II в. до н.э., а, вероятнее всего, началом III в. до н.э. [см.: Шелов, 1956, с. 215, табл. IV, № 43, 51, с. 216, табл. V, № 57, 60, 63, 79; Анохин, 1986, №№ 119, 120-122], что даёт основание относить к этому времени весь интереснейший керамический комплекс, открытый К.Е. Думбергом.

Деятельность директора музея в Керчи в 1893 г. не вполне ясна [см.: ОАК, 1893, с. 6-7]. Во всяком случае «Дело ИАК о раскопках господина заведующего Керченским музеем древностей» за этот год, хранящееся в Архиве ИИМК РАН [1893 г., д. 135], состоит всего из одного документа – письма В.Г. Тизенгаузена с просьбой расследовать под Керчью некоторые особенно перспективные, по его мнению, места: участок мещанки А. Волченко, расположенный около Карантинного шоссе, и три некрополя за Казённым садом. Раскопки в следующем, 1894 г. убеждают нас в том, что К.Е. Думберг твёрдо придерживался тактики «пожарной команды», идя вслед за «счастливчиками» и даже поддерживая тесные контакты с торговцами древностями, к примеру, с Б. Букзелем и Е. Запорожским. В рапорте А.А. Бобринскому он объяснял свои действия тем, что с такими людьми необходимо поддерживать «дружеские» отношения, поскольку открытая вражда может привести к полнейшему укрывательству любой информации о действиях «счастливчиков» [1894 г., д. 47, л. 16]. Что касает-

ся участка мещанки А. Волченко, то раскопки здесь провёл Н.И. Веселовский, приехавший в Керчь на несколько дней и пожелавший произвести здесь «маленькую археологическую раскопку». Надежды на хорошие открытия, однако, оказались напрасными; Н.И. Веселовский обнаружил всего 3 или 4 нетронутых гробницы, всё остальное свидетельствовало о давнем разграблении [1894 г., д. 47, л. 51-52].

В том же 1894 г. в Керчи было сделано одно в высшей степени любопытное археологическое открытие. Группа «счастливчиков» начала раскапывать курган на землях подполковника Волошкевича, т.е. в районе современного железнодорожного вокзала, и почти сразу нашла большую мраморную скульптуру, изображающую льва [рис. 75-76; см.: ОАК, 1894, с. 5, рис.1; Ростовцев, 1914а, с. 255-257; Марти, 1926, с. 38; Максимова, Наливкина, 1955, с. 305, 307, рис. 16; Соколов, 1973, с. 131, № 138; Кобылина, 1984, с. 293, табл. СШ, 2]. Подобные находки на Боспоре, как известно, представляют собой явление чрезвычайно редкое; до этой скульптуры хорошей сохранности были обнаружены лишь в 1850 г. [см.: Бич, 1958, 87-90; Кобылина, 1984, с. 214, 296, табл. СVI, 2; Тункина, 2002, с. 301-302]. Не удивительно, что это открытие привлекло очень большое внимание, а сам этот памятник вскоре стал называться Львиным курганом [Цветаева, 1957, с. 244-247, рис. 5-6]. К.Е. Думберг провёл работы на этом памятнике в течение двух сезонов 1894–1895 гг., в результате чего вся насыпь была снята полностью [1894 г., д. 158, л. 32 сл., 157 сл.; см.: ОАК, 1894, с. 5-6, рис. 1; 1895, с. 20-22]. Под ней были выявлены остатки разграбленного и почти полностью разрушенного каменного склепа (10,7 × 4,25 м) с дромосом длиной более 21 м. Склеп, скорее всего, имел полуцилиндрический свод; он был оштукатурен и, вероятно, расписан [1894 г., д. 158, л. 158]. На его полу была обнаружена каменная плита с надписью, свидетельствующей о том, что «этот памятник» построил некий Алким и его жена Филопатра в 311 году боспорской эры [КБН, 335], т.е. в 14 г. н.э. «Памятник», т.е., прежде всего, склеп, если судить по найденным архитектурным деталям, был богато украшен; важной деталью его внешнего убранства, несомненно, была мраморная скульптура льва. Несмотря на редчайшую для боспорских памятников точность датировки, многие вопросы, связанные с изучением *Львиного кургана*, остаются неясными. Прежде всего, до сих пор непонятно, когда склеп был разрушен и почему столь крупная скульптура была зарыта (спрятана) в сравнительно небольшой яме, наконец, неясным остается и вопрос о том, был ли курган сооружён одновременно или же включил в себя и более ранние насыпи. В современной науке как будто преобладает первая точка зрения [Цветаева, 1957, с. 244], но она далеко не бесспорна.

После раскопок в 1895 г. К.Е. Думберг сделал заключение, что весь этот курган был построен сразу [1894 г., д. 158, л. 196], т.е. он представлял единовременный памятник, относящийся к 14 г. н.э. Однако годом раньше он писал совсем другое: «Разрезанная курганная насыпь показывает, что этот курган был не сразу

насыпан, а мало помалу, и состоит из нескольких маленьких курганов, соединённых потом в один большой» [там же, л. 29; ср.: ОАК, 1894, с. 6]. Приведённое противоречие во взглядах исследователя имеет принципиальное значение для понимания памятника в целом. Дело в том, что помимо остатков каменного склепа в нём было открыто несколько «жжёных точек» (тризн) и остатков кремаций. Из этих контекстов, как следует из отчёта о раскопках, происходили обломки краснофигурных кратеров и других ваз, фрагменты чернолаковой посуды с штампованным орнаментом на дне, амфорные клейма и т.д. Всё это даёт вполне надежное основание относить обозначенные комплексы к V–IV вв. до н.э. и, соответственно, признавать более вероятным первоначальное предположение К.Е. Думберга о одновременности возведения Львиного кургана.

Автор раскопок, однако, усмотрел в этих фактах подтверждение своей точки зрения об относительно поздней датировке краснофигурной керамики на Боспоре, что предполагалось им после открытия гробницы 1892 г. (см. выше). Исследователь считал, что в Львином кургане не было найдено ни единой вещи, выходящей за хронологические рамки I в. н.э., хотя и признавал, что обозначенная посуда по тонкости и качеству лака не отличается от более древней. По этому поводу он заключил: «Употребление такого рода посуды в начале христианской эры даёт чрезвычайно важный и интересный критерий для хронологического определения подобных находок. Причисливают же её обыкновенно более древним временам. Но Львиный курган сообщает ещё больше и доказывает, что хронология, принятая относительно керченских расписных ваз, совершенно ошибочная» [1894 г., д. 158, л. 198]. В соответствии со своими взглядами на хронологию К.Е. Думберг считал, что, к примеру, склеп Васюринского кургана был выстроен в I в. н.э. и вообще все склепы с полукруглыми сводами принадлежат римской эпохе [там же, л. 204]. Он резко возражал Л.Э. Стефани, относившего Артюховский курган к II в. до н.э. [ОАК, 1880, с. 26-27], полагая, что этот памятник следует датировать II в. н.э. или даже III в. н.э. [там же, л. 209]. Исследователь всё более убеждался в мысли, что «греческая и римская хронологии не всегда применимы к Боспору» [там же, л. 208]. Он информировал ИАК о своём стремлении получить все боспорские материалы для основательной их обработки «с точки зрения сравнительной хронологии и археологии». К.Е. Думберг писал: «С удовольствием я посвятил бы ей (т.е. созданию новой хронологии – Ю.В.) всю свою жизнь» [там же, л. 210].

В связи с изложенным допустимо высказать удивление, насколько ложные идеи могут захватить человека, более того – стать целью всей его жизни. В Императорской археологической комиссии такие взгляды, разумеется, не могли найти поддержки.

Для изучения расписных катакомб Керчи очень важным стал 1896 г., когда на землях мешанки А.В. Зайцевой был открыт так называемый склеп Деметры [рис. 77, 78; 1896 г., д. 38; 1896 г., д. 58, л. 151 сл.; см.: ОАК, 1896, с. 65-66],

быстро ставший общеизвестным, можно сказать, хрестоматийным памятником боспорской декоративной живописи [Ростовцев, 1914а, с. 199-226; Гайдукевич, 1949, с. 405-408; Иванова, 1953, с. 146-150; Ернштедт, 1955, с. 263-265; Соколов, 1973, с. 106-108, №№ 103-112; Зинько, 1994; Зинько и др., 2009]. К.Е. Думберг датировал этот памятник не ранее II в. н.э. и, понимая его важность, предполагал подготовить публикацию в одном из выпусков «Материалов по археологии России» [1896 г., д. 58, л. 155], но сделать это ему не удалось.

В сентябре 1899 г. археологическое общество было обрадовано находкой «стасовского» склепа с его замечательными батальными росписями [Ростовцев, 1914а, с. 293-345; Гайдукевич, 1949, с. 415-419; Ернштедт, 1955, с. 275 сл.], т.е. памятника, описанного В.В. Стасовым в 1872 г. и считавшегося погибшим [1899 г., д. 18, л. 26]. До археологов в склепе, как часто случалось, побывали «счастливики», разрушившие здесь все лежанки [там же, л. 167-168]. Другое выдающееся открытие подобного рода было сделано 31 января 1900 г., когда на участке между бойней и тюрьмой был найден каменный саркофаг, внутри украшенный росписями [1900 г., д. 5, л. 6, 41, 185]. Каждая из длинных стен этого саркофага была разделена на три части изображёнными здесь колоннами. В пяти из этих шести частей были представлены музыканты, воины, обычные погребальные сцены, на шестом поле изображён художник-живописец за работой. Роспись этого саркофага считается одним из важнейших памятников боспорской художественной культуры [Ростовцев, 1914а, с. 376-389; Гайдукевич, 1949, с. 397-401, рис. 70; Иванова, 1953, с. 153-154; Ернштедт, 1955, с. 269 сл.; Блаватский, 1964, с. 174-175; Соколов, 1973, с. 109-111, №№ 113-115].

В 1897 г., несмотря на свою большую загруженность¹⁷, К.Е. Думберг принял раскопки на северном склоне *горы Митридат*, к востоку от того места, где А.А. Бобринский в 1891 г. обнаружил курганы раннего некрополя Пантикапея (об этом см. ниже, главу 4.9). Под насыпью, достигавшей 8,5 м в глубину, заведующий музеем открыл две грунтовые могилы, которые, судя по сопровождающему материалу (амфориск «финикийского» стекла, чернофигурный лекиф, украшенный пальметками, и пр.), следует относить к времени поздней архаики, хотя сам исследователь датировал их концом V в. до н.э. [1897 г., д. 51, л. 86-87; см.: ОАК, 1897, с. 36]. На следующий год К.Е. Думберг открыл здесь ещё несколько любопытных гробниц, в том числе погребение, содержащее остродонную амфору, амфориск «финикийского» стекла, короткий железный меч, нож и каменный оселок [1898 г., д. 30, л. 153-154; см.: ОАК, 1898, с. 16 сл.]. Полученные материалы позволили предложить более обоснованную хронологическую атрибуцию некрополя – V в. до н.э. [1898 г., д. 30, л. 158]. Продолжение раскопок на этом участке в 1899 г. не дало желаемого результата, археологи

¹⁷ В 1897 г. К.Е. Думберг провёл крупные исследования в Поднепровье, в Верхних и Нижних Серогозах [1897 г., д. 51].

открыли скудные остатки стен. К.Е. Думберг в связи с этим предположил, что местность рядом с некрополем была застроена какими-то сооружениями в том же V в до н.э. [1899 г., д. 18, л. 154; см.: ОАК, 1899, с. 17]. В 1900 г. исследователь работал уже на Карантинном шоссе и в других районах, где была изучена почти сотня различного типа гробниц [1900 г., д. 5, л. 139 сл., 185 сл.].

Одно из отрядных веяний нового времени заключается в росте технической оснащённости керченских археологов. К концу XIX в. они уже отказались от допотопных тачек и приобрели вагонетки, рельсы для прокладывания необходимых путей и т.д. Работы, безусловно, пошли значительно быстрее и эффективней.

Весной 1901 г., несмотря на грядущее увольнение со службы (см. главу 4.2), К.Е. Думберг ничуть не ослабил своей привычной работы по изучению погребальных памятников Пантикапея. В это время им было открыто 13 катакомб, из которых одна имела роспись, исполненную в грубом, варварском стиле [1901 г., д. 12, л. 11, 19].

Рис. 71. Керчь. Вид кремации, открытой на Аджимушкайской улице в 1887 г. [1887 г., д. 21, л. 28 об.].

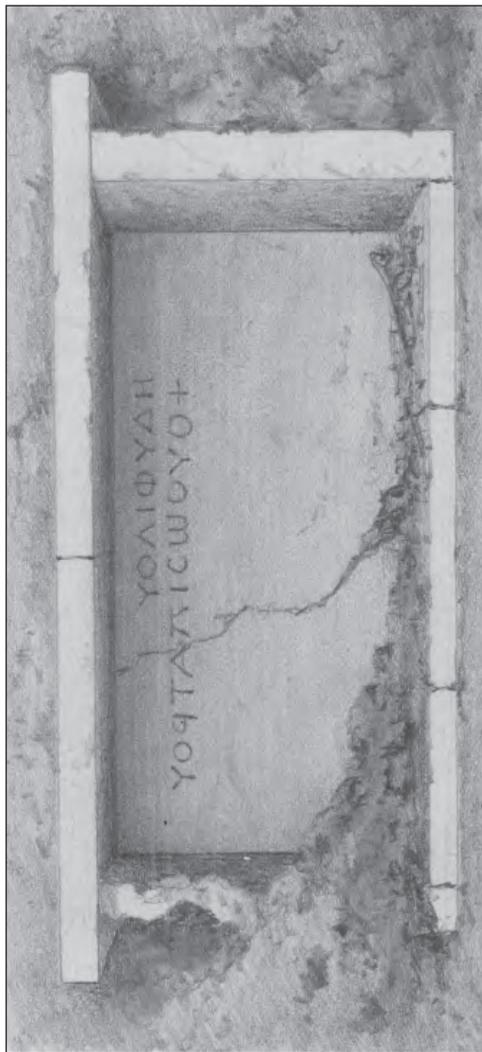

Рис. 72. Керчь. Вид гробницы, открытой на Аджимушкской улице в 1887 г. [1887 г., д. 21, л. 29].

непротрутой насвети раскопа 2 куски ала, востриды и черепки отъ дзуба большихъ кратеровъ, одного съ рисунками, другого покрашено германнъ лакомъ. На подолвѣ гробница С нашисе кусочки листового золота, а въ египетской гробница С черепокъ миттатого лексилика. На одномъ изъ черепковъ первого кратера сохранился остатокъ живога краснофигурнаго мадонна съ стъкирога. Судя по стилю и работѣ рисунка можно судить его приписать художнику II в. д. Р. Ар.

Если это определени верно, то склепъ кургана близ востриды или во II в. д. Р. Ар. или же послѣ II в., смотрѣ по промежутку между временемъ прои, концендѣ и употребленѣ (вѣрнее истре, бленѣ.) При строгости склепа была раздѣлена маленькая египетская гробница, составляющая, по всей вѣроятности, часть цѣлаго гробничаго кладбища, принадлежаго

Рис. 73. Керчь. Обломок краснофигурного кратера из кургана на Аджимушкайской дороге, 1891 г. [1891 г., д. 84, л. 28].

Рис. 74. Керчь. Аквафельная ваза из гробницы 1892 г. [1892 г., д. 39, л. 23].

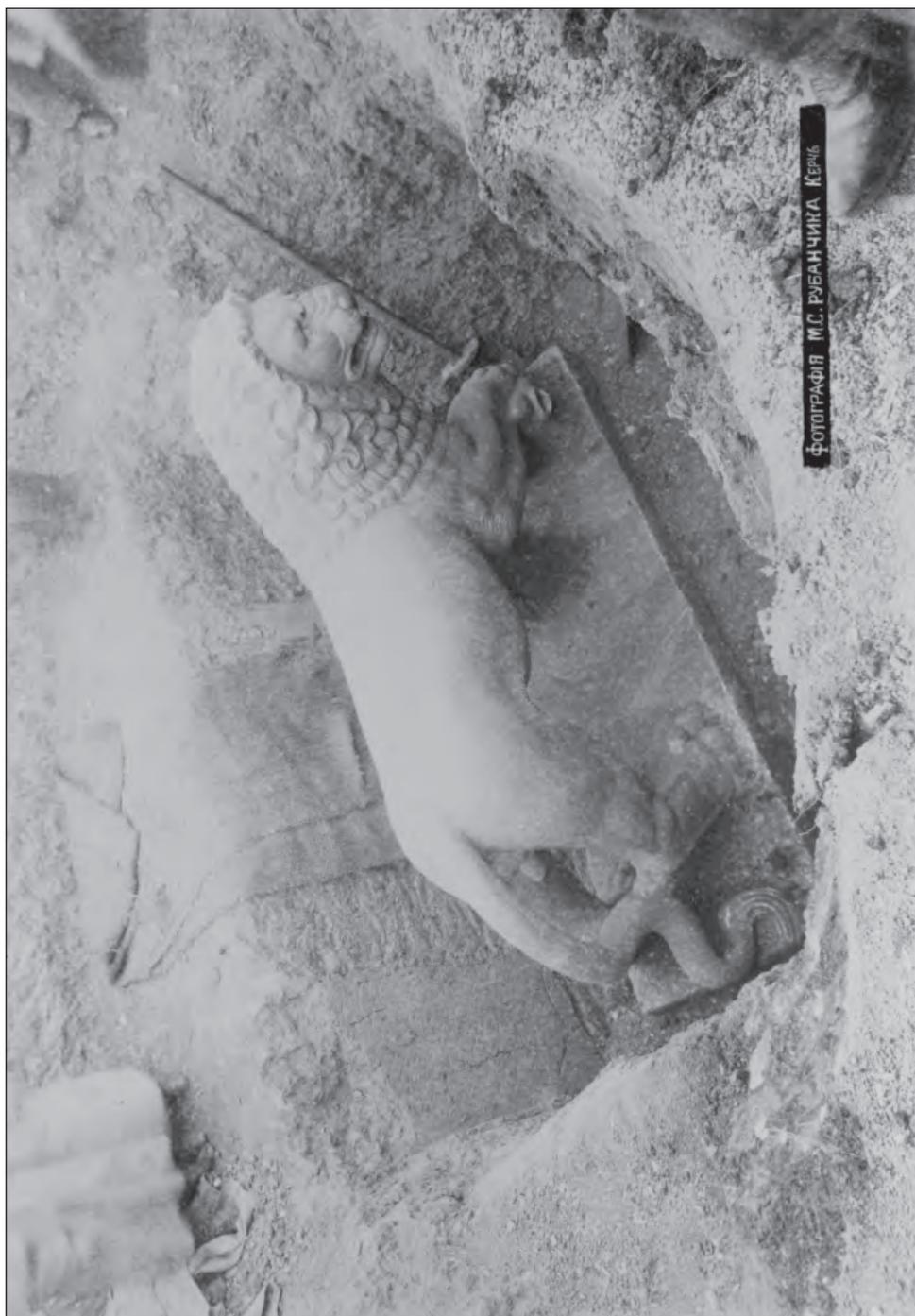

Рис. 75. Керчь. Мраморный лев в момент открытия [1894 г., д. 158, л. 149].

Рис. 76. Керчь. Мраморный лев [1894 г., д. 158, л. 123].

Рис. 77. Плафон склепа Деметры [1909 г., д. 1909, ч. III, л. 17].

Рис. 78. Склеп Деметры. Изображение Плутона, похищающего Персефону [1909 г., д. 106, ч. III, л. 18].

4.4. Раскопки курганов и грунтовых некрополей на азиатской стороне Боспора

Надо признать, что памятникам азиатской стороны Боспора в рассматриваемое время археологи стали уделять заметно меньше внимания, чем ранее. Ф.И. Гросс провёл здесь исследования в 1886 г., они были сосредоточены на Тузле [ОАК, 1882-1888, с. СIII-СIV]. В результате этих работ было вскрыто сразу 11 курганных насыпей. Исследователь по этому поводу даже заметил, что «теперь можно положительно сказать, что все курганы в этом месте тщательно исследованы» [1886 г., д. 7, л. 32]. Таким образом, нерасследованными на Тамани, по его мнению, оставались лишь курганные памятники около Цокурского лимана и на Бугазе. Ф.И. Гросс допускал при этом, что в них могут находиться не только «скифские», но и греческие гробницы. Ответ на этот вопрос, по справедливому замечанию исследователя, могли дать только будущие раскопки [1886 г., д. 7, л. 32]. Стремясь лучше изучить курганы Таманского полуострова, в 1887 г. он обратился к раскопкам на землях *станции Стеблиевской*, где на южной стороне Ахтанизовского лимана вскрыл курган, обнаружив в нём две разорённые гробницы. Ф.И. Гросс нашёл в них лишь несколько обломков от краснофигурных ваз «с рисунком вакхического содержания» [рис. 79; 1887 г., д. 47, л. 27 об.].

В 1893 г. к работам на азиатском Боспоре обратился К.Е. Думберг. В.Г. Тизенгаузен писал ему 16 августа, что около *станции Стеблиевской* тогда обнаружили древний могильник, на котором найдено несколько надгробных камней с надписями; заведующему музеем для раскопок этого могильника был выдан «Открытый лист» и выделено 400 руб. [1893 г., д. 140, л. 1]. Однако о его раскопках под станцией Стеблиевской в Архиве ИИМК РАН материалы отсутствуют, но имеется информация об исследованиях в немецкой колонии *Михаэльсфельд (Джигинка)*. В 1892 г. здесь, в обрыве древнего русла Кубани, при случайных обстоятельствах была найдена византийская золотая цепь [см.: 1892 г., д. 39], и К.Е. Думберг, как представляется, решил сосредоточиться на исследовании этой местности. В 1893 г. он заложил на обрыве несколько траншей, в результате чего было найдено некоторое количество золотых и пр. предметов (серьги, подвески, вставки и т.д.). Общий контекст находок тогда остался неясным [1893 г., д. 140, л. 10 сл.; см.: ОАК, 1893, с. 8], современная наука рассматривает *Михаэльсфельд* как эталонный памятник времени раннего средневековья [Засецкая, 2010]. В одной версте от этого места тогда же был раскопан один небольшой курган, но надежда археолога обнаружить здесь «что-нибудь для определения археологического характера ближайшей окрестности, однако, не осуществилась, и пришлось констатировать самое полное разорение» [1893 г., д. 140, л. 13].

Осмотрев окрестности *станции Сенной*, К.Е. Думберг решил раскопать один полуразрушенный курган на берегу Таманского залива [см.: Паромов, 1993, с. 124]. По его словам, здесь он попытался поближе познакомиться с техническими приёмами проведения археологических работ на курганах, а также доказать, что «самые раскопанные» курганы ещё далеко не исследованы [1893 г., д. 140, л. 128]. Эти раскопки примечательны отнюдь не сделанными находками, К.Е. Думберг открыл в кургане лишь «жжённый точёк», т.е. место тризны, и обычную гробницу, перекрытую досками. Любопытно другое: исследователь действительно показал, что боспорские курганы нуждаются в доследовании, что, как он выражался, «почти каждый раскопанный курган на Таманском полуострове представляет собою знак вопросительный». И ещё одно в высшей степени важное обстоятельство: именно К.Е. Думберг одним из первых среди боспорских археологов пришёл к выводу о необходимости полного сноса курганных насыпей¹⁸, он писал, что «курганы в странах с преобладающею греческою культурою должны быть совсем снесены, что стоит довольно дорого, <но> не допускает однако в последствии никаких сомнений» [там же, л. 130; ср.: ОАК, 1893, с. 9].

В следующий раз К.Е. Думберг появился на азиатском Боспоре через три года, когда предпринял раскопки на городище Фанагория (см. главу 4.6). К исследованиям таманских курганов он обратился лишь через семь лет, и связано это было с тем, что 7 августа 1900 г. около станицы Ахтанизовской был обнаружен знаменитый *Ахтанизовский клад* [1900 г., д. 5, л. 197-200; о нём см.: ОАК, 1900, с. 46 сл.; Спицын, 1909, с. 19 сл.; Ростовцев, 1925, с. 557; Максимова, 1969, с. 55 сл.; Pfrommer, 1987, S. 70; 1990, S. 260; 1993, р. 9; Mordvinceva, 2001, S. 72-73]. Двое местных жителей, Яков Лукиков и его сын Касьян, случайно обнаружили каменную гробницу, сложенную из пяти плит. Её размеры: 2,15 м × 0,70 м, глубина – 1,40 м, ориентация по линии восток-запад. По словам раскопщиков, костяка в могиле не было, а золотые и серебряные вещи находились вне её, за северной стенкой, где они были сложены «в одну кучу». К моменту приезда К.Е. Думберга некоторые вещи из клада были куплены врачом И.А. Терлецким¹⁹. Директор музея проявил свойственную ему напористость и в конце концов получил (выкупил), вероятно, почти всё, что тогда было найдено. После этого он приступил к раскопкам. Сначала была тщательно исследована площадь самой гробницы, а затем начались раскопки на более отдалённых территориях. Пробными ямами и траншеями была раскопана огромная площадь, а с помощью бура были проведены крупные

¹⁸ Ранее такого мнения, как уже говорилось, придерживался А.Б. Ашик (см. главу 1.2), но он ничего не сделал для реализации своих теоретических установок на практике.

¹⁹ О деятельности А.И. Терлецкого, связанной с торговлей боспорскими древностями, подробнее см. ниже.

разведочные изыскания. Однако результат всех этих усилий был печален – лишь 10 весьма скромных гробниц [Думберг, 1902, с. 58-60]. Оценивая проведённые работы, К.Е. Думберг с горечью заметил: «Не может быть, чтобы гробница Лупиковых была единственной богатой» [1900 г., д. 5, л. 199], но другой подобной он в этой местности, к сожалению, не обнаружил. Тем не менее, именно ему принадлежит заслуга спасения для науки Ахтанизовского клада, который по-своему является уникальным. Учёные оценивают этот комплекс по-разному; совсем не исключено, что его можно трактовать как погребение воина времени Митридата VI Евпатора [Виноградов, 2004, с. 174-175; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 145-146].

Одновременно с Ахтанизовкой К.Е. Думберг предпринял исследования ещё в двух местах Таманского полуострова: на станции Сенной и Южном кордоне, который к тому времени был построен в 12 верстах от Тамани на Тузлинском мысу. О работах на кордоне мы ничего не знаем, а вот о Сенной можно сказать, что раскопки здесь были достаточно масштабными и проводились они в нескольких местах [1900 г., д. 5, л. 199, 200 сл.; см.: ОАК, 1900, с. 47; Думберг, 1902, с. 60]. Однако, несмотря на все старания, эти исследования не увенчались успехом: в курганах и на ровной местности было открыто 30 гробниц, но лишь 6 оказались «более или менее целыми». К.Е. Думберг по этому поводу даже отметил: «Нигде я не встретил такого страшного разорения, как на станции Сенной». Несмотря на такую неудачу, исследователь продолжал считать, что Фанагория ещё может дать много важных находок, но раскопки здесь «должны быть предпринимаемы с большими средствами и продолжаться непрерывно месяцев шесть» [1900 г., д. 5, л. 199].

В декабре 1900 г. Археологическая комиссия вновь направила К.Е. Думберга на Тамань. Около хутора Фонтан необходимо было осмотреть склеп, открытый местными казаками в небольшом кургане. Директор Керченского музея осмотрел этот склеп и заключил, что он был ограблен ещё в древности; ничего особенного, кроме древесного угля, археолог здесь не заметил [1900 г., д. 5, л. 202-203].

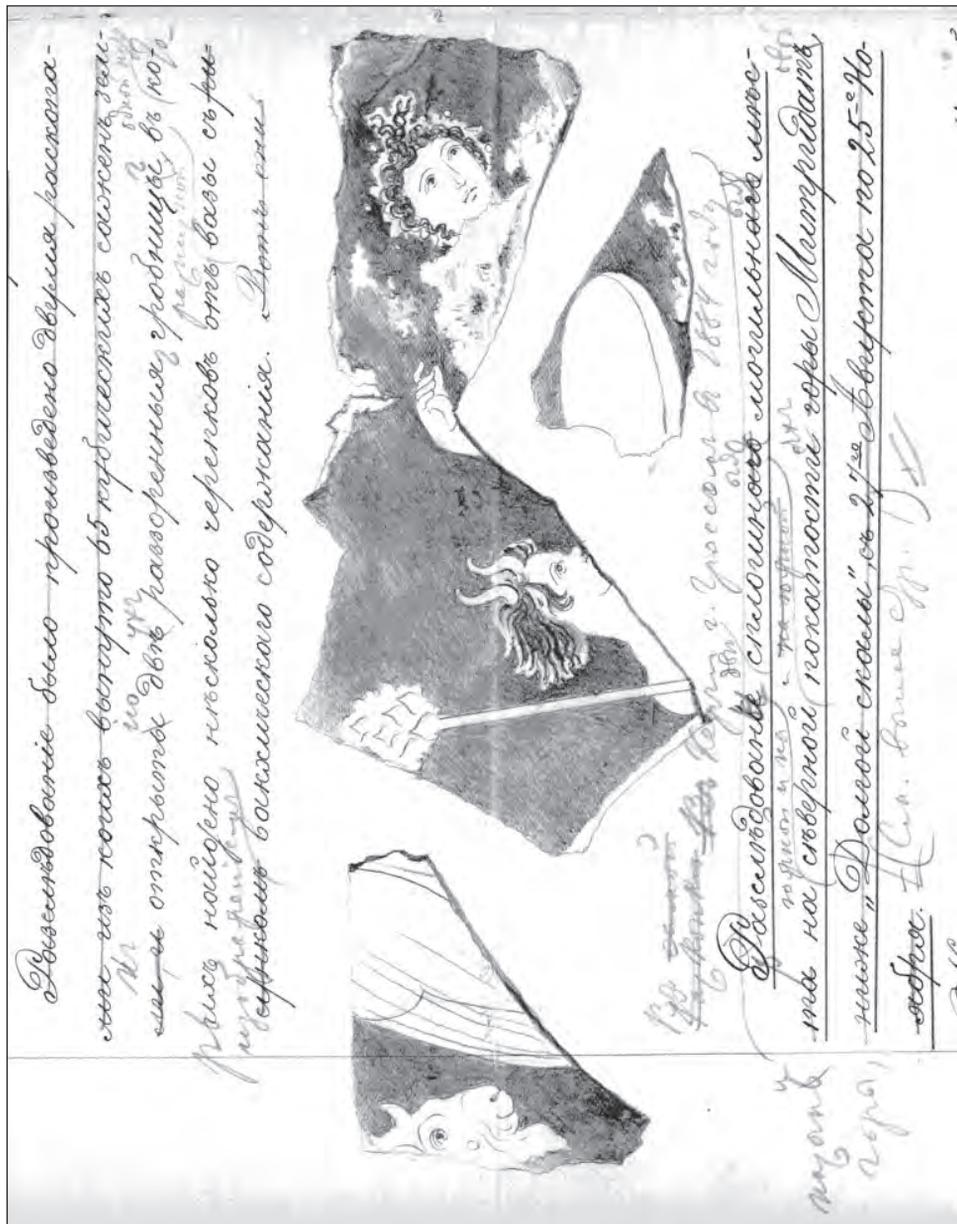

Рис. 79. Краснофигурные фрагменты, обнаруженные в кургане на южной стороне Ахтанзовского лимана [1887 г., д. 47, л. 27 об.].

4.5. Работы на городищах европейского Боспора

В 1886 г. на вершине горы Митридат, к западу от так называемого кресла Митридата, в дождевых размывах были замечены отёски мрамора, и сразу возникло предположение, что в древности здесь производилась обработка мраморных изделий [1886 г., д. 7, л. 31]. На этом участке был заложен раскоп площадью более 280 кв. м, культурный слой вскрыт на глубину от 1,5 до 3,5 м. В результате проведённых работ была обнаружена большая яма, вырубленная в скале и оштукатуренная, которую Ф.И. Гросс посчитал зернохранилищем. Яма была перекрыта каменной плитой; её глубина составляла 4,25 м, при этом диаметр в верхней части равнялся 1,25 м, далее стенки расширялись, и диаметр дна достигал 2,15 м. Мастерской по обработке мрамора здесь, как видим, открыть не удалось, но тем не менее на дне ямы была найдена часть головы от женской мраморной скульптуры. В культурном слое этого участка было обнаружено множество обломков расписных ваз в так называемом «этрусском стиле» (так тогда обычно называли аттические чернофигурные сосуды), которые, по заключению исследователя, «свидетельствуют о былом величии боспорской столицы» [там же, л. 31; см.: ОАК, 1882-1888, с. ХСІХ-С; Блаватский, 1951, с. 13]²⁰.

Поблизости от этого участка был сделан ещё один раскоп площадью более 190 кв. м, в результате чего был зачищен северный фас скального массива горы, у основания которого была открыта другая яма схожей конструкции, но меньших размеров. К ней вели водостоки, сделанные из камня, что позволяет считать её цистерной для сбора дождевой воды [1886 г., д. 7, л. 31; см.: ОАК, 1882-1888, с. С-СІ]. В.П. Толстиков полагает, что при зачистке скального массива Ф.И. Гросс обнаружил ступенчатые подтёсы под облицовку скалы квадратной кладкой [Толстиков, 1992, с. 52]. В 1891 г. раскопки на пантикапейских «пепелищах» провёл А.А. Бобринский (см. главу 4.9).

В начале 1892 г. стало известно, что военные власти передали сооружённую к тому времени на горе Митридат крепостную эспланаду (рис. 80) городу Керчь и что там, вероятно, начнётся добыча камня [1891 г., д. 37, л. 76]. К.Е. Думберг сразу же начал активную борьбу против такой перспективы, настаивая на том, чтобы эти земли (порядка 180 десятин, т.е. приблизительно 200 га) были доступны для археологических исследований. Военное ведомство оправдывалось тем, что на этих землях предполагается высадить кусты или другие растения, устроить пастбища и т.д., но никак не превращать их в каменоломни [1891 г., д. 37, л. 95]. Местные жители, однако, сразу начали там строительство, и К.Е. Думберг требовал от Городской управы запрещения

²⁰ В 1900 г. Э.Р. Штерн, как известно, написал, что иногда и «презренный черепок» может послужить «исходным пунктом для важной исторической комбинации» [Штерн, 1900, с. 20]. В плане практическом, как видим, у него были предшественники.

этого самоуправства [1891 г., д. 37, л. 148]. Защищая права археологов, он в 1897 г. писал: «Здесь стоял в древности замок боспорских царей, была расположена древнейшая часть города Пантикапея, находились самые интересные кладбища его жителей. ... Митридатская эспланада ещё далеко не исследована и в её недрах покоится, несомненно, много ценных сокровищ» [1891 г., д. 37, л. 188]. Результатом этого противостояния стало решение Военного ведомства, принятое в январе 1898 г., о том, что эспланада всё-таки передаётся в аренду керченским городским властям, но с тем условием, «чтобы участки, потребные Археологической комиссии для изысканий с научной целью, могли быть выделяемы из аренды во всякие времена по первому требованию Военного ведомства, без всякого за то вознаграждения городу» [1891 г., д. 37, л. 196].

Главным объектом внимания К.Е. Думберга, конечно, всегда являлся Пантикапей, при этом не только некрополь, но и городище. В 1896 г. он по этому поводу писал в Археологическую комиссию [1896 г., д. 58, л. 165-166]:

«Для выяснения бытовой жизни, численности населения и множества других, весьма интересных вопросов самое лучшее средство – расследование “пепелищ”. Последние <представляют собой – Ю.В.>, так сказать, живой и верный отпечаток культуры. Городские постройки подвергались частым изменениям, и находимые в пределах городских стен предметы не могут поэтому служить надёжным хронологическим путеводителем. “Пепелища” же остаются в большинстве случаев нетронутыми. Они образуются постепенно, один слой за другим, и при внимательном расследовании из них можно извлечь самые ценные факты. Известно же, например, какой яркий свет бросила раскопка т.н. Persesrschutt в Афинах на греческое искусство до Персидских войн²¹.

Громадные “пепелища” на горе Митридат, к счастью, ещё более или менее целы. Можно быть вполне уверенным, что дальнейшие систематические раскопки откроют <здесь> целый ряд разных наслоений, обязанных своим происхождением отдельным периодам городской жизни. Тщательное расследование “пепелищ” является единственным надёжным способом для установления более точной хронологии произведений искусства, в особенности гончарного, и дает возможность определить типичные формы посуды каждой эпохи. Точная хронология гончарных изделий поможет в свою очередь устранить и предотвратить множество ошибок, господствующих в области курганной хронологии, основанной преимущественно на весьма шатких стилевых данных, представляемых вещами, находимыми в гробницах и склепах. Слишком часто выпускается

²¹ Имеется в виду «персидский мусор», т.е. культурный слой, образовавшийся в Афинах в результате разрушения города персами в 480 г. до н.э.

из виду то обстоятельство, что в жизни народов ничто так долго и упорно не держится и <не> сохраняет свою древнюю форму, как предметы, связанные с религиозными обрядами и загробными культурами. Стиль может до известной степени определить время происхождения того или другого предмета, найденного в курганном склепе, время же сооружения самого кургана показывает одна только тризна, остатки которой дают неопровержимое свидетельство о свойственной данному периоду посуде. Таким образом, получается теснейшая связь между курганами и “пепелищами”, и остаётся только надеяться, что Археологическая комиссия обратит серьёзное внимание на научное исследование последних».

Через два года исследователь высказался ещё категоричней: «Чтение отчетов директоров Керченского музея и разного рода наблюдения возбудили во мне предположение, что под громадными насыпями восточной половины горы Митридат непременно должны находиться значительные остатки древнего Пантикапея» [1898 г., д. 30, л. 35]. Далее он продолжил [там же, л. 159-160]:

«Гора Митридат подвергалась в течение более 60 лет постоянным разысканиям со стороны профессиональных археологов и непрошенных кладоискателей-счастливчиков. Казённые и частные копатели обращали внимание преимущественно на западную половину горы с её бесчисленными древними кладбищами; раскопки же восточных насыпей Митридата, под которыми непременно должны находиться остатки акрополя и города Пантикапея, редко предпринимались. Роскошные вазы, золотая и серебряная посуда, ожерелья, перстни и т.п. здесь не могли обнаружиться, расследование же громадных насыпей ради решения чисто научных, исторических и топографических вопросов не имело ничего привлекательного и стоило очень много денег, времени и терпения. А между тем, представляют эти насыпи не меньше интереса, чем курганы, катакомбы, склепы. Мы знаем, как пантикапейцы своих покойников хоронили, как они украшали жилища мёртвых драгоценными предметами и фресковой живописью, но где и как они сами жили, какой вид имели их дома – об этом мы почти никакого понятия не имеем. До сих пор даже не известно, имели ли, например, находимая при покойниках глиняная посуда и терракоты исключительно погребальный характер или же служили они также в домах живых. Все такие и массу других вопросов, касающихся внутренней и бытовой жизни пантикапейцев, положения, устройства и вида их города, могут разрешить только систематические и продолжительные раскопки именно этих восточных насыпей Митридатовой горы.

Что в этой местности в древности находился акрополь или часть города не могло подлежать ни малейшему сомнению и подтвердилось

находимыми при раскопках фундаментами, цистернами и т.д. К какому, однако, периоду относились эти остатки, осталось неизвестным».

Надо признать, что к тому времени К.Е. Думберг имел все основания для этого заключения. Еще осенью 1896 г. на восточном склоне Митридата были проведены крупные работы, в результате чего была вскрыта площадь почти 640 кв. м при мощности напластований до материка от 4 до 7 м. В одном из раскопов на материке были открыты остатки двух домов, при этом в обоих находились куски прекрасной цветной штукатурки. Ещё более впечатляющие архитектурные остатки были выявлены во втором раскопе, а именно – часть крупного дома, стены которого были сложены из хорошо отёсанных камней и покрыты цветной штукатуркой. Здесь же находились барабаны колонн и детали карниза хорошей отделки. К.Е. Думберг датировал это здание первым веком до или после новой эры и не без гордости писал: «Во всяком случае, можно уже теперь сказать, что на Митридатовой горе найдены остатки самого древнего жилого дома, открытого до сих пор в пределах России» [1896 г., д. 58, л. 168; см.: ОАК, 1896, с. 66 сл.].

В 1898 г. К.Е. Думберг продолжил раскопки на этом участке и постепенно выявил остатки крупной постройки, которую он интерпретировал как термы, построенные в I или II в. н.э. [1898 г., д. 30, л. 85 сл.; см.: ОАК, 1898, с. 13 сл.]. В своём отчете исследователь с увлечением рассказывает об открытых им остатках бассейнов, очаге, в котором нагревался воздух, подававшийся в помывочные залы: фригидарий, тепидарий и кальдиарий (прохладное, тёплое и горячее отделения). Он был настолько увлечён идеей о «глубоком влиянии римской культуры на обычаи и нравы обывателей древней греческой колонии» [1898 г., д. 30, л. 90], что не придавал значения сравнительно небольшим размерам пантикапейских «терм», которые никак не соответствовали параметрам общественного здания. К тому же в них не нашлось места для раздевалки, под полом не было обнаружено и неизменных во всех термах приспособлений для подачи нагретого воздуха (гипокаустов), зато в некоторых помещениях были устроены абсолютно неуместные в бане крупные зерновые ямы. Правильность реконструкции К.Е. Думберга, как видим, вызывает определенные сомнения²². Специалисты, однако, признают её вполне верной [Ростовцев, 1914а, с. 113-114; Крыжицкий, 1993, с. 185-186]. Не настаивая на окончательном выводе, рискну высказать догадку, что в результате раскопок 1896 и 1898 гг. директор

²² О методе реконструкций в научном исследовании К.Е. Думберг, тем не менее, рассуждал вполне здраво. Он писал: «Посредством осторожной реконструкции несомненно возможно будет восстановить – разумеется, на бумаге – ту или другую часть столицы Боспорского царства, сделать её более понятной, наглядной, доступной». Археолог сетовал, что в России смотрят на это с подозрением, как на некую «фантазию». Любое историческое исследование, однако, есть именно реконструкция, а «плоди и бумага скорее врут, чем камни и черепица» [1898 г., д. 30, л. 36].

Керченского музея открыл совсем не термы, а крупный дом богатого пантикапейца, одно из помещений которого действительно могло служить ванной.

К сожалению, исследователь почти не обратил внимания на другое своё открытие. В северо-западном углу раскопа были обнаружены остатки «черепичного завода», точнее, боковые стены большой обжигательной печи. В ней находилось значительное количество полуобожжённой черепицы и грузила (отчасти с клеймами). Любопытно и другое заключение К.Е. Думберга, что «завод», как и «термы» были брошены, вероятно, при нападении неприятеля [1898 г., д. 30, л. 90]. Относительно оправданности вывода К.Е. Думберга об открытии «черепичного завода» возражал В.Ф. Гайдукевич, отрицавший, что директор Керченского музея обнаружил тогда гончарную печь [Гайдукевич, 1934, с. 221; но ср.: Блаватский, 1951, с. 28]. Однако даже если сомнения В.Ф. Гайдукевича относительно открытия печи верны, то присутствие «полуобожжённых черепиц» однозначно свидетельствует о наличии здесь керамической мастерской.

В 1899 г. успешные раскопки Пантикапея были продолжены. Результаты их действительно впечатляли, 5 октября в лондонской «Times» о них даже появилась маленькая заметка [1899 г., д. 18, л. 36]:

«Раскопки эти обещают обогатить Россию новыми Помпеями, так как исследователи уже успели обнаружить фундаменты здания, представляющего, по-видимому, храм Геркулеса. Открыты термы, а также некоторое число фресок, и вновь открыта известная стасовская катакомба, считавшаяся погибшей 30 лет».

О термах и стасовской катакомбе уже было сказано выше. Что касается прочих открытий на городище в 1899 г., то действительно тогда К.Е. Думберг обнаружил остатки большой постройки, в планировке которой он выделил пять крупных частей или блоков, каждый из которых был разделён на несколько помещений (рис. 81). В одной из таких небольших комнат был найден бюст Диониса и герма Геракла. Последняя находка позволила исследователю предположительно называть открытую им постройку храмом Геркулеса [1899 г., д. 18, л. 158-160; см.: ОАК, 1899, с. 19 сл.]²³. Сразу можно признать, что на античный храм эта постройка совсем не похожа, хотя общественное её назначение весьма вероятно; более того, по масштабам и богатству отделки комплекс, открытый К.Е. Думбергом, вполне можно признать дворцом, одно из помещений в котором служило домашним святилищем. Имеющаяся документация, к сожалению, не позволяет сделать обоснованного заключения о времени

²³ У К.Е. Думберга в то время появилось заметное стремление несколько поэтизировать открываемые им объекты. Даже для раскопов он подбирал необычные, запоминающиеся названия: Графский, участок Артемиды и т.д.

существования этого здания, хотя М.И. Ростовцев относил его к эпохе эллинизма [Ростовцев, 1914а, с. 115-116; ср.: Блаватский, 1951, с. 15, 22; 1964, с. 118; Крыжицкий, 1993, с. 128]. На участке раскопа был обнаружен также мощёный двор, на котором находился глубокий колодец; в этом колодце были обнаружены шесть человеческих скелетов. Исследователь обоснованно связал такую необычную находку с какой-то «страшной катастрофой» [1899 г., д. 18, л. 170-171], но имеющие материалы опять же не дают оснований для её точной датировки.

Сравнительно недалеко от «храма» был обнаружен и частично исследован дом Штукатура, как его определил К.Е. Думберг (рис. 82). Своё необычное название этот комплекс получил по большому количеству найденных в нём обломков рельефной гипсовой штукатурки [1899 г., д. 18, л. 164-165; см.: ОАК, 1899, с. 23]. По причине незначительности раскрытого участка судить о времени и назначении постройки не представляется возможным [Ростовцев, 1914а, с. 117-118].

В 1900 г. раскопки Пантикапея были сосредоточены на площади между «храмом Геркулеса» и двором с колодцем. Об их результатах К.Е. Думберг писал, что тогда были выявлены «остатки стен, имеющие более или менее неопределённый характер» [1900 г., д. 5, л. 184]. Из такой характеристики, разумеется, ничего понять невозможно. Вместе с тем, в этом же году директор Керченского музея выступил с очередной инициативой, которая, на сей раз, была нацелена на решение проблемы отвалов, накопившихся на поверхности городища. Он предлагал вывозить их в море на конских подводах, при этом в целях экономии средств делать это было лучше всего зимой [1900 г., д. 5, л. 1]. Данное предложение было принято, и отвалы из раскопа на горе Митридат стали свозить на городские пристани [там же, л. 184].

О работах на других городищах европейского Боспора мы имеем слишком скудную информацию. По поводу раскопок А.Ю. Кулаковского на мысе Зюк см. главу 4.10. О работах Ф.И. Гросса на «пепелище» за Керченским карантинном (т.е. около Мирмекия) в 1889 г., вероятно, приблизительно там, где в 1863 г. проводил исследования А.Е. Люценко (см. главу 2.10), известно лишь то, что там были найдены три амфорные ручки с клеймами [1889 г., д. 30, л. 19].

Рис. 81. Керчь. «Храм Геркулеса» [1899 г., д. 18, л. 204].

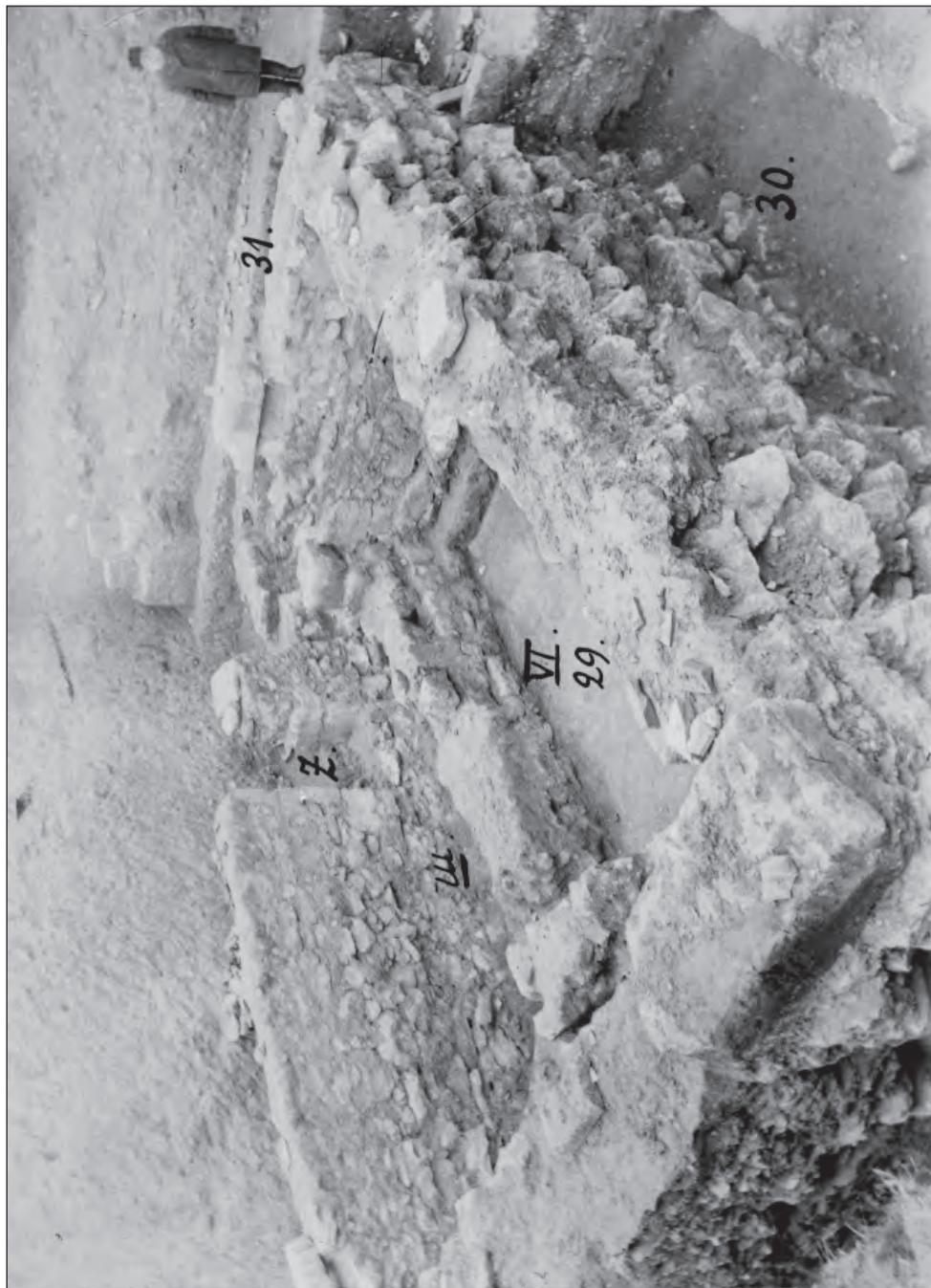

Рис. 82. Керчь. «Дом Штукатура» [1899 г., д. 18, л. 206].

4.6. Раскопки на городищах азиатского Боспора

К.Е. Думберг, проводивший здесь исследования в 1893 г., сделал несколько любопытных наблюдений. В отношении многочисленных древних «пепелищ», т.е. рядовых поселений, расположенных на Таманском полуострове и сопредельных территориях, он заметил, что производить здесь раскопки рискованно, т.к. такие памятники, «кроме простых черепков, ничего в себе не заключают» [1893 г., д. 140, л. 12, прим. 2]. Осмотр руин Фанагории и её окрестностей, напротив, произвёл на К.Е. Думберга весьма сильное впечатление, по этому поводу он написал [там же, л. 15]:

«Один только взгляд на карту должен нас убеждать, что греки при таких блестящих условиях едва ли могли себе выбрать более выгодное во всех отношениях место <для основания – Ю.В.> торгового города, как то, где они построили Фанагорию. Можно смело сказать, что Фанагория, не будь сообщения между Ахтанизовским лиманом и Таманским заливом, навсегда осталась бы незначительным местом и никогда не выдвинулась бы в ряду греческих колоний. Значение, процветание и падение Фанагории тесно связаны с судьбою древнего рукава Кубани. Следовало бы обратить самое серьёзное внимание на эту местность, которая ещё далеко не исследована и от которой можно будет ожидать ещё множества самого интересного исторического материала. Разъяснение судеб Фанагории и древнего рукава Кубани может сразу пролить яркий свет на в высшей степени туманную древнюю топографию всего Таманского полуострова».

Раскопки Фанагории возобновились в 1896 г. [ОАК, 1896, с. 64-65; Паромов, 1993, с. 125], и на сей раз они были стимулированы открытием новых эпиграфических памятников. Произошло это около хутора П.П. Семеняки, где при случайных обстоятельствах были обнаружены две интересные надписи: постамент статуи, посвящённой царицей Динамией супруге императора Августа Ливии [КБН, 978], и посвящение Афродите Урании, сделанное при Перисаде I [КБН, 971]. Кроме того, здесь же была найдена часть известняковой статуи, изображающей молодого воина в панцире, плаще, остроконечной шапке, с мечом, луком и горитом [рис. 83; 1896 г., д. 58, л. 7-8; 160-161]. Исследования было решено провести во владениях Семеняки, а также на местности, расположенной правее дороги, ведущей из Тамани в Сенную. К.Е. Думберг при этом отметил [1896 г., д. 58, л. 8]:

«Выбор плоской и открытой береговой полосы для основания города в стране дикой и варварской противоречит всему, что мы знаем об основании греческих городов вообще. Первое поселение лежало непременно на более возвышенном и менее доступном месте, и только впоследствии, по

мере утверждения греческого господства среди туземцев, город мог спуститься в долину и занимать береговую полосу. Греческий мало-мальски порядочный город без акрополя немыслим, а последний придётся в данном случае искать на одном из холмов, господствующих над всею местностью. Там же должны были находиться все главные храмы и святилища».

Раскопки 1896 г. были весьма масштабными: К.Е. Думберг заложил два больших раскопа и 86 пробных траншей, в общей сложности было вскрыто около 3000 квадратных сажен (более 13 500 кв. м). Однако надежды открыть акрополь древней Фанагории или, по крайней мере, фундамент храма Афродиты оказались напрасными [1896 г., д. 58, л. 161-162]. Археологи находили обломки обычной керамической посуды, разрозненные мелкие камни и т.д., что К.Е. Думберг интерпретировал как указание на то, что в римское время здесь находились дачи фанагорийцев. В западной части раскопа было найдено 12 могил, но они, по мнению исследователя, не содержали ничего интересного [там же, л. 162].

Во владениях Семеняки были проведены серьёзные разведки. К востоку от хутора тянулось возвышение (500 × 150 шагов), заканчивающееся огромным курганом, который, как считалось, был раскопан В.Г. Тизенгаузенем. К.Е. Думберг предположил, что на этой возвышенности в древности находилось какое-нибудь строение, но заложенные им в разных пунктах «пробные ямы» ничего не дали [там же, л. 165].

Одно любопытнейшее археологическое открытие было сделано в 1898 г. в *окрестностях Новороссийска*, точнее, в 14 км от него, за имением Мысхако [1898 г., д. 250]. Ф.И. Романович информировал ИАК, что на земле И.П. Кулешевича, на месте, где хозяин предполагал посадить виноградник, была обнаружена каменная стена, рядом с которой находилось много незначительных вещей. Среди этих вещей выделялся «бронзовый погрудный бюст ... чудной древней работы, вполне античной, в фригийской остроконечной шапке» [рис. 84; 1898 г., д. 250, л. 1]. Ф.И. Романович находил этот бюст сходным с изображением Париса, но после специального исследования М.И. Ростовцева [Ростовцев, 1916] данный замечательный памятник почти единодушно признают изображением знаменитой боспорской царицы Динамии [см.: Гайдукевич, 1949, с. 221; 1955, с. 128; Соколов, 1973, с. 116-117, № 120; Горончаровский, 2003, с. 153; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 249]. Немецкий исследователь К. Парляска, правда, полагает, что бронзовый бюст изображает не Динамию, а Гипеперию, мать Митридата VIII и Котиса I [Parlasca, 2009].

На этом участке был открыт также древний некрополь, могилы в котором были перекрыты каменными плитами. Рядом с некрополем находилась постройка, состоящая из трёх помещений, из которых лишь одно имело выход наружу (рис. 85). Стены постройки имели толщину до одной сажени [т. е. около 2 м!]. М.И. Ростовцев высказал предположение, что в имении И.П. Кулешевича,

которое сам владелец называл Широкой Балкой, были открыты остатки небольшого храма [Ростовцев, 1916, с. 2]. Однако логичней видеть здесь одну из построек, которые в современной научной литературе получили название укрепленных зданий или домов-башен. Они строились на Боспоре, в основном в митридатовское и постмитридатовское время [Сапрыкин, 1996, с. 275-276; Паромов, 2001; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 137-139], в том числе и в районе современного Новороссийска [Онайко, Дмитриев, 1981; 1982]. Сделанные во время случайных раскопок находки светлоглиняных амфор с двустольными ручками [рис. 86; 1898 г., д. 250, л. 8, 9] позволяют считать, что дом-крепость в Широкой Балке принадлежит к концу I в. до н.э. или к началу I в. н.э. Укрепленные пункты возводились тогда по решению центральной власти Боспора, и появление здесь бюста внучки Митридата вполне закономерно и показательно.

Рис. 83. Часть скульптуры воина, найденной в Фанагории в 1896 г. [1896 г., д. 58, л. 21].

Рис. 84. Бронзовый бюст царицы Динамии (?) [1898 г., д. 250, л. 4].

Рис. 86. Амфора, найденная вместе с бронзовым бюстом [1898 г., д. 250, л. 9].

4.7. «Новостроечные» работы К.Е. Думберга

Для завершения характеристики деятельности К.Е. Думберга по изучению боспорских древностей необходимо хотя бы кратко сказать о проводившихся им «новостроечных» работах. В 1896 г. началась борьба за земли, расположенные за Новым Карантином, которые Керченской городской управой были переданы для строительства металлического (Брянского) завода [1891 г., д. 37, л. 149-150]. В конце концов было достигнуто соглашение, что строители будут докладывать в музей обо всех открываемых ими древних объектах, не будут самостоятельно производить их раскопки, а древности будут признаваться собственностью ИАК [там же, л. 157-158]. Нетрудно догадаться, что правление строительством не уделяло особого внимания спасению археологических объектов, а таковые здесь, безусловно, встречались. В 1898 г. на данном участке были обнаружены два крупных клада. Один из них в количестве 263 монет был найден в присутствии надсмотрщика и попал в музей. Второй оказался разграбленным, а, по словам рабочих, там была «целая шапка денег» [1898 г., д. 7, л. 4; см.: ОАК, 1898, с. 19], большая часть древних монет была куплена Букзелем. К.Е. Думберг сумел конфисковать у рабочих лишь 68 монет, а у Букзеля – 187 экземпляров; полиция у рабочих отобрала ещё 16 монет. В общем, из второго клада удалось спасти 271 монету, что можно признать лишь незначительной частью первоначального состава клада [1898 г., д. 7, л. 5].

Скандал, разразившийся по этому поводу, был использован К.Е. Думбергом в самом выгодном для себя направлении. По его собственным словам, он тогда на всех «нагнал порядочного страху» [там же, л. 5]. Правление завода во избежание повторения таких случаев стало выделять 600 руб. в год на наём археологического надсмотрщика при земляных работах. На эту должность был назначен Фёдор Зяблов, сын старшего надсмотрщика музея Семёна Зяблова [1898 г., д. 30, л. 163]. Под его руководством в 1898 г. здесь было открыто 14 древних погребений, на следующий год – ещё несколько [1899 г., д. 17, л. 174].

Раскопки на участке Брянского металлического завода были продолжены в 1899 г. [Шкорпил, 1901, с. 80 сл.], но весной того же года начались активные земляные работы по сооружению керченской железной дороги. К.Е. Думберг обратился к её строителю инженеру Ветринскому с просьбой о предоставлении ему всех древних предметов, которые при этом будут обнаружены. Он особо настаивал, чтобы древние могилы вскрывались строителями только в присутствии директора музея или его надсмотрщиков. Такое разрешение было получено, и первые 5 месяцев за работами на дороге наблюдал Леонтий Демиденко, при котором было обнаружено около полусотни древних могил [1899 г., д. 18, л. 177-178; 1901 г., д. 12, л. 5; Шкорпил, 1901, с. 82 сл.].

В отношении «новостроечных» раскопок К.Е. Думберга следует обратить внимание ещё на одно в высшей степени важное для современной науки

обстоятельство. В начале марта 1901 г., когда заведующий Керченским музеем уже ожидал увольнения со службы (см. главу 4.2), он продолжал свою обычную деятельность по изучению боспорских древностей, в частности, наблюдая за строительством керченской железной дороги недалеко от современного вокзала. Вот что он тогда заметил: «В том месте, где полотно пересекает древний вал, рабочие наткнулись на очень солидные фундаменты из тёсаного камня. Работы не были доведены до конца, но из всего виденного мною явствует, что ров за древним валом был обложен камнем. Было бы интересно сделать разведочные раскопки для разъяснения структуры вала» [1901 г., д. 12, л. 19]. Не может быть сомнений, что речь в данном случае идёт о так называемом Тиритакском вале. Долгое время это сооружение не подвергалось археологическому изучению и являлось предметом всякого рода априорных соображений, связанных с пониманием боспорской истории времени правления Археанактидов [см.: Шмидт, 1941, с. 268 сл.; Гриневиц, 1946, с. 160 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 189; Сокольский, 1957, с. 92 сл.; Толстиков, 1984, с. 25; Шелов-Коведяев, 1985, с. 76-77]. Раскопки по линии вала были проведены экспедицией А.А. Масленникова, в результате чего сделано заключение, что в данном месте имеется несколько разновременных сооружений, но со временем Археанактидов ни одно из них связывать нельзя [Масленников, 2003, с. 250]. Любопытно, однако, что современные археологи не открыли здесь ничего подобного виденному К.Е. Думбергом, а это означает, что изучение Тиритакского вала необходимо продолжить и, вероятно, прежде всего в том месте, где его линию пересекает железная дорога.

4.8. Археология Феодосии

До создания Императорской археологической комиссии о феодосийских древностях можно было судить исключительно по результатам раскопок, проведённых И.К. Айвазовским и А.А. Сибирским в 1852–53 гг., а также А.Е. Люценко в 1856 г. [Извлечение. 1855, с. 121-128; Штерн, 1906, с. 86]. В 1882 г. о раскопках в Феодосии и её окрестностях, как говорилось выше (глава 3.1), предполагал С.И. Веребрюсов, однако на практике это осуществить было очень нелегко. К сожалению, этому археологу не удалось провести исследования ни на городище, ни в его окрестностях.

В 1894–1895 гг. в Феодосии проводились крупные работы по строительству порта, которые по понятным причинам затронули площадь древнего городища. В таких условиях военный инженер А.Л. Бертье-Делагард, известный своими исследованиями в Херсонесе [о нём см.: Тункина, 2002, с. 48], попытался спасти кое-что для археологии [см.: Петрова, 2000, с. 24-26]. По его словам, в 1894 г. работы проводились на месте древнего акрополя – цитадели генуэзцев и турок. Здесь исследователь проводил сборы оказавшихся на поверхности

древних предметов, а также покупал их у жителей города. О своей деятельности он проинформировал Археологическую комиссию, от которой получил полное одобрение. Собранный им коллекция была распределена по трём музеям: Московский исторический, Одесский археологический и, естественно, Феодосийский [1894 г., д. 157, л. 11; см. также: Штерн, 1906, с. 85-91]. Эти находки стали основой для исследования Э.Р. фон Штерна, посвящённого феодосийской керамике [Штерн, 1906].

В 1895 г. А.Л. Бертье-Делагард за собственный счёт провёл раскопки некрополя Феодосии, располагавшегося к западу и юго-западу от города. Этот некрополь в основном состоял из небольших курганов; среди них 20-30 насыпей, по словам археолога, были разрыты в 50 годах князем А.А. Сибирским и живописцем И.К. Айвазовским. А.Л. Бертье-Делагард «попытал счастья» в полах курганов, в результате чего открыл 14 могил, которые были «до такой степени перерыты и расхищены, что не представлялось никакой возможности определить не только весь порядок погребения, но даже и самую могилу; можно лишь сказать, что все они имели стеночки из камня и были покрыты каменными плитами, заключая внутри себя, кроме скелетов, обычные предметы древнегреческого погребения, разные золотые и бронзовые украшения, чернолаковую посуду, терракоты и т.п.; обо всём этом можно было судить только по случайным находкам в просеиваемой земле и мусоре черепков и кое-каких вещиц» [1894 г., д. 157, л. 14]. Исследователь признал сходство этих погребальных комплексов с керченскими, а также их относительную простоту и бедность. На этом основании он сделал вывод, что в будущем «едва ли стоит предпринимать здесь крупные, многолетние, систематичные разыскания и раскопки» [там же, л. 15].

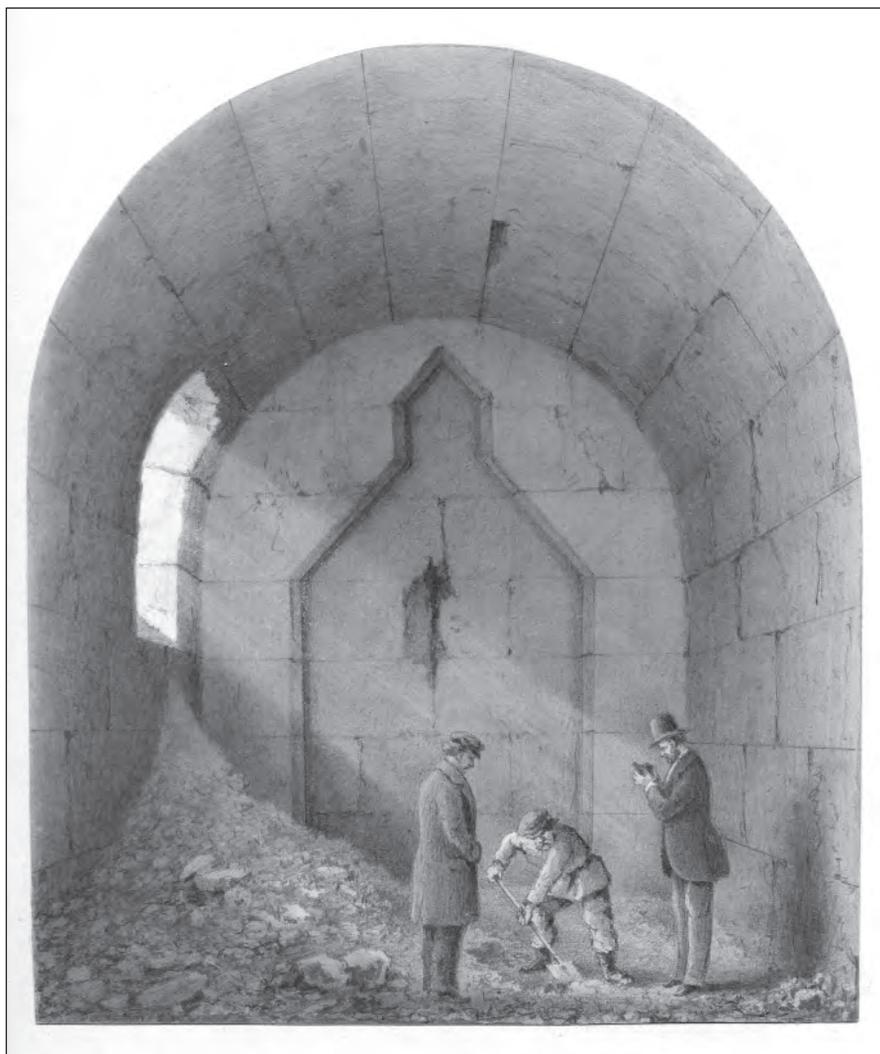

Рис. 87. Внутренний вид склепа в кургане мирзы Кекуватского [Р. 1, № 176, л. 3].

Рис. 88. Краснофигурный кратер, найденный А.А. Бобринским в насыпи кургана мирзы Кекуватского [1888 г., д. 64, л. 37].

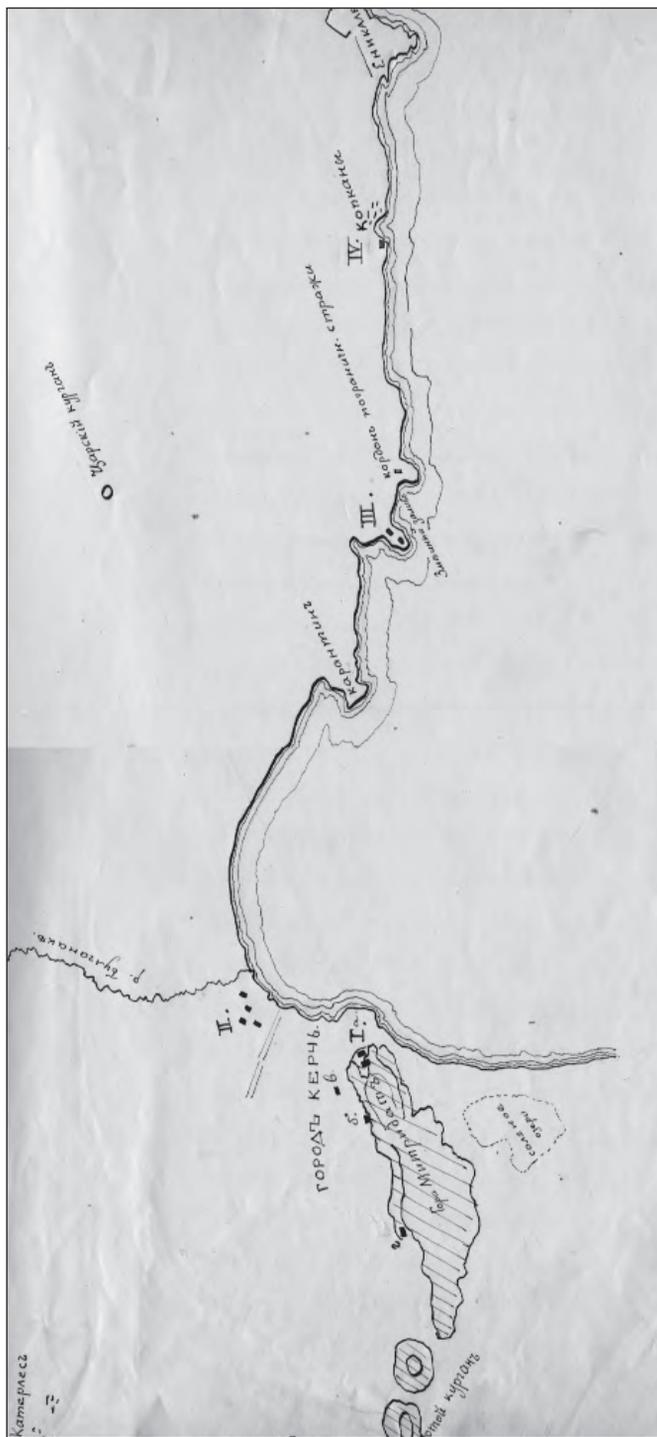

Рис. 89. План окрестностей Керчи с обозначением мест (I–IV), где проводил раскопки А.А. Бобринский в 1891 г. [1891 г., д. 53, л. 77].

Рис. 90. Изображение Гермеса на краснофигурной гидрии, найденной А.А. Бобринским [1891 г., д. 53, л. 366].

4.9. Раскопки в Керчи А.А. Бобринского

Председатель Императорской археологической комиссии начал свои раскопки на Боспоре в 1888 г., т.е. через два года после вступления в должность [см.: Боровкова, 1999, с. 103-106]. Надо думать, что в глубине души ему хотелось открыть здесь что-нибудь подобное Куль-Обе или Большой Близнице. Для этого было необходимо раскопать один из крупных курганов, но на казённых землях в окрестностях Керчи их как будто уже не было. В 1888 г. стало известно, что городом Керчью были выкуплены земли Ф. Багера, на которых, в частности, находились два последних на западе больших кургана некрополя Юз-Оба. А.А. Бобринский узнал об этом во время командировки, 23 сентября он направил в ИАК телеграмму следующего содержания [1888 г., д. 64, л. 8]:

«Сообщите, пожалуйста, произведены ли в Керчи раскопки курганов, предложенных городом. Предполагаю ехать в Крым, могу приняться за эти курганы, ежели дело ещё не сделано».

Ответ В.Г. Тизенгаузена гласил: «Один курган раскопан, ничего не нашли» [там же, л. 8], этот курган был раскопан Ф.И. Гроссом ещё летом 1888 г. А.А. Бобринский провёл исследования второго, самого последнего на западе в цепи курганов Юз-Обы [1888 г., д. 64, л. 11-12, 32-35; см: ОАК, 1888, с. ССХІІІ-ССІV; 1889, с. 11-13]. Нет сомнения, что на этом памятнике в марте 1838 – январе 1839 гг. провёл работы А.Б. Ашик, а в научную литературу он вошёл под названием кургана на землях мирзы Кекуватского [см.: ДБК, I, с. LХVІІІ-LХХ, 32, 130, 189, 191; Ростовцев, 1914а, с. 107; Марти, 1926, с. 13; Гриневич, 1952, с. 145-146; Цветаева, 1957, с. 240; Гайдукевич, 1949, с. 258; Артамонов, 1966, с. 66; Gajdukevič, 1971, S. 276-277; Fless, Lorenz, 2005, S. 22-23]. К моменту раскопок А.А.Бобринского его насыпь имела форму усечённого конуса и всё ещё отличалась достаточно крупными размерами: длина окружности основания насыпи – 320 м, высота – 11,5 м. Работы осенью 1888 г. не дали почти никакого результата, была открыта лишь мощная каменная крепида высотой около 1,5 м, опоясывавшая основание кургана. Каменную гробницу с полуциркульным перекрытием удалось обнаружить на следующий год в южной части кургана: её размеры – 5 × 3,5 м, высота склепа – немногим более 4 м (рис. 87). Погребение оказалось ограбленным или, вероятнее всего, обследованным А.Б. Ашиком; на полу гробницы были обнаружены остатки роскошного деревянного саркофага, 25 бронзовых наконечников стрел, 10 железных наконечников копий, обломки большого широкого меча со следами деревянных ножен и пр. Сверху над входом в гробницу были найдены фрагменты большого

кратера, украшенного «живописью весьма грубой работы» (рис. 88), т.е., как представляется, относящийся к поздним сосудам краснофигурного стиля²⁴.

Необходимо подчеркнуть, что в 1888 г., кроме раскопок кургана мирзы Кекуватского, А.А. Бобринский предпринял исследования на грунтовом некрополе за Карантином, т.е. около Мирмекия. Здесь им было вскрыто всего четыре могилы, не давшие практически никаких находок [1888 г., д. 64, л. 13]. Несмотря на такую неудачу, местность к востоку от Керчи, по всей видимости, представлялась А.А. Бобринскому вполне перспективной для проведения раскопок, во всяком случае, позднее он именно здесь предпринял весьма масштабные изыскания (Змеиный залив, Капканы). Есть основания считать, что исследования председателя ИАК в Керчи должны были стать своего рода образцовыми как по размаху работ, так и по методике исследований, составлению полевой документации и т.д. И, в общем, следует признать, что документация о раскопках А.А. Бобринского действительно отличается тщательностью и подробностью описаний [в особенности: 1891 г., д. 53, л. 10 сл.].

В 1891 г. А.А. Бобринский предпринял исследования в четырёх местах: на северном склоне горы Митридат, на Аджимушкайской улице, около так называемого Змеиного залива и в деревне Капканы (рис. 89). На северном склоне горы Митридат он начал масштабные работы на одном из «пепелищ», при этом, как представляется, именно этот археолог первым из всех исследователей Боспора обратил внимание на характер наслоений, в данном случае отличавшихся правильностью, отсутствием поздних перекопов. Раскопки, правда, велись вполне традиционно – с помощью широкой траншеи, от которой в разных направлениях закладывались мины. Сделанные находки (многочисленные фрагменты керамики, рыболовные грузила, терракотовые статуэтки, медные монеты, части мраморных фигур, цветные мраморные плитки и пр.) позволили А.А. Бобринскому обоснованно заключить, что «пепелище» принадлежит к до-римской эпохе. Более того, в культурном слое он обнаружил фрагменты, как минимум, четырёх панафинейских амфор. На всех с одной стороны была изображена стоящая фигура богини Афины, а с другой – бегущие атлеты. По мысли автора раскопок, эти сосуды были получены спортсменами из Пантикапея на Панафинейских играх за победы в состязаниях по бегу. Он даже посчитал, что «в этом упражнении жители Пантикапея были, по-видимому, сильны» [1891 г., д. 53, л. 60; см.: ОАК, 1891, с. 23-24].

Ещё одно «пепелище» раскапывалось А.А. Бобринским на северном склоне Митридата западнее первого, ближе к Золотому кургану [1891 г., д. 53, л. 63 сл.;

²⁴ На основании этой находки мною было высказано предположение, что данный курган является одним из самых поздних в некрополе Юз-Оба [Виноградов, 2009а, с. 357]. Изучение всех имеющихся материалов, однако, заставляет отказаться от него; погребение в склепе кургана на землях мирзы Кекуватского следует датировать приблизительно серединой IV в. до н.э. [Цветева, 1957, с. 240; Сокольский, 1969, с. 25; Яковенко, 1974, с. 65; Fless, Lorenz, 2005, S. 22].

см.: ОАК, 1891, с. 26-29]. Мощность напластований здесь достигала целых 7 м. Под ней в материке были обнаружены более ранние курганы, высота которых достигала 2,5 м. Один из этих курганов был исследован, в его основании на материке находилась обожжённая площадка для сжигания трупа, на которой сохранились куски древесного угля, сплавившиеся железные и бронзовые предметы, обломки большого железного меча и пр. В центре площадки находилась урна с прахом покойного; она представляла собой краснофигурную гидрию с изображением фигуры бегущего Гермеса [рис. 90; Блаватский, 1951, с. 19, 29]. А.А. Бобринский отметил при этом, что изображение Гермеса на погребальной урне вполне объяснимо, т.к. этот бог, по представлениям древних греков, сопровождал души умерших в царство мёртвых; вазу он датировал V–IV вв. до н.э. [1891 г., д. 53, л. 68]. Сейчас уже вполне очевидно, что этот краснофигурный сосуд относится приблизительно к 470 г. до н.э., т.е. к самому началу обозначенного А.А. Бобринским периода [Цветаева, 1957, с. 232].

В районе дороги, ведущей в Аджимушкой, в черте города Керчь, А.А. Бобринский исследовал ряд погребений и пришел к заключению, что в древности здесь находился обширный некрополь [1891 г., д. 53, л. 69; см.: ОАК, 1891, с. 30 сл.]. Более интересные, на мой взгляд, результаты были получены при раскопках у так называемого «Змеиного кордона» пограничной стражи, т.е. к востоку от городища Мирмекий (см.: рис. 89). Об этой до сих пор малоизвестной в археологическом отношении местности А.А. Бобринский писал [1891 г., д. 53, л. 88]:

«Здесь выступает в море высокий скалистый мыс, верхняя часть которого состоит из насыпного грунта (т.е. представляет собой культурный слой – Ю.В.)²⁵. Не доезжая до этого скалистого мыса, есть другой такой же выдающийся мыс со скалами меньших размеров; последний отделён от большого мыса небольшим заливом, называемым «Змеиным». Здесь также над скалистым грунтом лежит порядочное количество насыпной земли, а, кроме того, у начала мыса возвышается небольшой курганчик».

Председатель Археологической комиссии раскопал этот «курганчик» и под его насыпью обнаружил 21 могилу, погребения в которых были совершены по сходному обряду ингумации и содержали довольно многочисленный и разнообразный сопровождающий инвентарь. А.А. Бобринский вполне обоснованно датировал этот своеобразный могильник I в. н.э. [ОАК, 1891, с. 43 сл., 150-154].

Затем раскопки были перенесены на небольшой мыс с «бугром» на берегу Змеиного залива, где, по словам рабочих, какие-то исследования были проведены

²⁵ Нет сомнения, что в данном случае имеется в виду современный Змеиный мыс, выступающий в Керченский пролив к востоку от городища Мирмекий.

А.Е. Люценко, но погребений он там не нашёл. А.А. Бобринский на этом «бугре» также не открыл никаких погребений, но, как ему представлялось, обнаружил «место, где, очевидно, произведено было сожжение трупа, кости которого затем были убраны» [1891 г., д. 53, л. 97; см.: ОАК, 1891, с. 47]. Исследователь отметил также, что «на этом жжёном месте осталось много разбитой вдребезги посуды хорошего стиля с чёрной поливой (т.е. чернолаковой – Ю.В.), но без фигур; также сожжённые разбитые в большом количестве алабастриды хорошей работы; скипевшие бронзовые стрелы тщательной выделки; астрагалы и т.д.». С северной стороны насыпь была укреплена хорошей стеной, сложенной из больших отёсанных блоков. В северо-восточной части стена образовывала правильный угол. А.А. Бобринский предполагал, что могила здесь находилась где-нибудь поблизости, в скалах, образующих утёс над морем [1891 г., д. 53, л. 97]. С таким выводом, однако, вполне можно поспорить и предположить, что на небольшом мысу находилась совсем не площадка для сжигания трупа, а монументальный алтарь, во всяком случае, хорошее качество каменной кладки и её, безусловно, четырехугольная форма скорей свидетельствуют именно об этом.

В деревне Капканы (см.: рис. 89), расположенной восточнее Змеиного мыса, на берегу пролива А.А. Бобринский раскопал ещё один невысокий курган [1891 г., д. 53, л. 104 сл.; см.: ОАК, 1891, с. 47 сл.]. На сей раз под насыпью было открыто 36 погребений. По монетам Митридата VIII, обнаруженным в могилах, они датированы исследователем I в. н.э. [1891 г., д. 53, л. 124], точнее, очевидно, надо говорить о середине – второй его половине. Ещё раз можно отметить хорошие описания всех этих погребальных комплексов; исследователь даже дал подробную характеристику грунта, заполнявшего могилы, которая сама по себе представляет немалый научный интерес [там же, л. 121-122]:

«Во всех почти могильных ямах встречаются мелкие черепки глиняной посуды, обломки сожжённых костей, а иногда и уголь, наводящий на мысль, что в могилу посыпана земля (очевидно, зола – Ю.В.) домашнего очага. Кроме того, покойники обсыпаны бóльшим или мёньшим слоем морских раковин и песку. У многих могил, и, как кажется, у самых богатых, над плитами <перекрытия> встречается слой морской травы (камки)».

Раскопки А.А. Бобринского в Керчи и её окрестностях представляют весьма любопытный и показательный эпизод в истории боспорской археологии. После его работ на Юз-Обе стало очевидным, что боспорские курганы, в принципе, исчерпали себя. Безусловно, все они нуждались в исследовании, но грандиозных сокровищ в них, скорее всего, уже не оставалось. Кроме того, председатель ИАК не только с бóльшим вниманием, чем его предшественники, подошёл к изучению керченских «пепелищ», но и открыл под одним из них часть раннего курганного некрополя Пантикапея. Наконец, около Змеиного залива

и в Капканах он изучил очень компактные могильники I в. н.э. Низкая насыпь «курганчиков» в обоих случаях, возможно, образовалась из-за слияния индивидуальных насыпей, первоначально сооружённых над каждой из могил. Очень жаль, что исследователи более позднего времени не проявили к этим материалам должного внимания, хороший уровень археологической документации вполне позволяет это сделать и сейчас.

4.10. Раскопки на Боспоре профессора Ю.А. Кулаковского

В мае 1890 г. два керченских жителя при добывании камня на северной покатости горы Митридат случайно обнаружили ограбленную катакомбу, на стенах которой сохранилась роспись, по определению Ф.И. Гросса, «грубого стиля». Он зарисовал эти изображения, а затем вход в катакомбу был заложен камнем и засыпан землёй [1890 г., д. 31, л. 52]. Вскоре после этого Археологическая комиссия обратилась к профессору Киевского университета Св. Владимира Ю.А. Кулаковскому с предложением принять на себя руководство дальнейшим вскрытием подобных гробниц и наблюдение за точным снятием копий с росписей [там же, л. 56; см.: ОАК, 1890, с. 22]. Ю.А. Кулаковский согласился на это предложение и летом 1890 г. прибыл в Керчь [об учёном см.: Непомнящий, 2003; Пучков, 2004; Фролов, 2006, с. 342-349]. Он подробно описал катакомбу, открытую здесь в мае [1890 г., д. 31, л. 77]; по имеющейся здесь надписи она вошла в научную литературу, как катакомба Сорака [Кулаковский, 1986, с. 16-31; Ростовцев, 1914а, с. 244-252]. После этого Ю.А. Кулаковский приступил к археологическим раскопкам, в результате чего открыл несколько гробниц, в том числе христианскую катакомбу с фресками и надписями, датированную 401 г. [см.: ОАК, 1890, с. 27-28; Кулаковский, 1891]²⁶.

Кроме раскопок на северном склоне горы Митридат, киевский археолог предпринял работы на Глинище, где, в частности, обнаружил каменный склеп с деревянным саркофагом хорошей сохранности [ОАК, 1890, с. 23-27]. Свои впечатления от первого сезона раскопок Ю.А. Кулаковский выразил следующим образом [1890 г., д. 31, л. 97]:

«Хотя в Керчи раскопки проводятся уже около 50 лет, но ведь не будет несправедливым сказать, что историю этого места мы знаем только по монетам. Один систематически раскопанный некрополь мог бы оказаться с исторической точки зрения гораздо важнее, нежели многие богатые случайные находки, которые, правда, могут украсить и обогатить музей, но мало или ничего не говорят историку. А по отношению к нашему Крыму

²⁶ М.И. Ростовцев считал, что в 1890 г. Ю.А. Кулаковский исследовал ещё две катакомбы с грубо исполненными росписями [Ростовцев, 1914а, с. 405-407].

история более, чем где-нибудь нуждается в помощи археологии, которая тогда только будет в состоянии оказать эту помощь, если её материал будет разыскиваться систематически и в системе <же> классифицироваться».

На следующий год Ю.А. Кулаковский продолжил свои исследования. Будучи недоволен качеством копий, которые снимал с росписей Ф.И. Гросс (см. главу 4.1), он пригласил двух новых рисовальщиков – Аиналова и Васильеву, которые, в особенности последняя, вполне оправдали его надежды [1891 г., д. 40, л. 24, 39; 1892 г., д. 62, л. 10; см.: ОАК, 1891, с. 58]. Однако совсем не изучение керченских катакомб археолог считал своей основной задачей, хотя их тогда было открыто немало: 9 гробниц, в том числе одна расписная [1891 г., д. 40, л. 27 сл.; см.: ОАК, 1891, с. 59; Кулаковский, 1896, с. 34 сл.]. Раскопки на Митридате, по его мнению, носили разведочный характер, а систематическими они были на Глинице [1891 г., д. 40, л. 32; см.: ОАК, 1891, с. 63 сл.]. Почти все открытые здесь гробницы, как оказалось, были ограблены в древности; лишь три римских захоронения содержали хороший, разнообразный инвентарь. Ещё 13 гробниц были раскопаны киевским профессором в углу сада Чернявского [1891 г., д. 40, л. 34 сл.], но и они, за исключением, возможно, лишь склепа с парным захоронением, так сказать, почти ничего не могли поведать историку.

В 1892-93 гг. Ю.А. Кулаковский не смог провести исследования в Керчи [ОАК, 1893, с. 6], но в 1894 г. он вновь активно включился в работы. Тогда на склоне Митридата было обнаружено 15 катакомб, но все они оказались ограбленными, при этом стенки в них были пробиты, образуя проходы из одной камеры в другую. Кроме грубого рисунка корабля, нанесённого на стенке одной из катакомб красной краской, других росписей здесь найдено не было [1894 г., д. 81, л. 27-28]. В том же году Ю.А. Кулаковский предпринял исследования около городского сада, где находился сплошной некрополь, о котором писали К.Е. Думберг и В.Г. Тизенгаузен [см. главу 4.3; ОАК, 1892, с. 32]. Здесь он заложил большой раскоп (43 × 32 м), в результате чего открыл 25 гробниц, расположенных весьма упорядоченно: двумя полосами с юга на север, каждая из которых состояла из рядов (по 2–3 гробницы в ряду). Почти во всех могилах были открыты костяки, ориентированные головами на юго-восток. Близость обряда погребения позволила исследователю предположить, что здесь находилось семейное кладбище, которое, если судить по монетным находкам, относится ко второй половине III в. н.э. [1894 г., д. 81, л. 30]. Несмотря на относительную бедность инвентаря, Ю.А. Кулаковский придавал данному некрополю немалое значение, считая, что «его интерес заключается в том, что при возможности точной хронологической датировки, найденные в нём предметы могут получить значение образцов для сравнения с неимеющими хронологии археологическими материалами» [там же, л. 31]. Несмотря на некоторую корявость изложения, мысль Ю.А. Кулаковского вполне ясна и, в общем,

абсолютно верна. Вот только погребальный инвентарь из всех 25 погребений он описал суммарно (серебряные, бронзовые, железные, керамические предметы и т.д.), без разбивки по комплексам, но тенденция к тому, как уже говорилось, в боспорской археологии обозначилась ранее (см. главу 3.5).

В 1894 г. Ю.А. Кулаковский осмотрел памятники крымского Приазовья, куда был приглашён владельцем тамошних земель А.А. Дириным [о нём см.: Боровкова, 1999, с. 58-51], предлагавшим археологу провести здесь раскопки [1894 г., д. 81, л. 33; см.: ОАК, 1894, с. 8; Дирин, 1896, с. 122-123]. Исследователь отметил, что жители селения Мамá при постройке домов неоднократно натыкались на древние могилы. В частности, А.А. Дириным была открыта гробница, обложенная каменными плитами, в которой находились пять костяков, уложенных головами на восток. Здесь были обнаружены бронзовые браслеты, бронзовые пряжки, стеклянные бусы, три железных меча, массивный наконечник копья и пр.; в головах покойных были найдены листочки от золотого венка и золотая индикация монеты императора Константина Великого [1894 г., д. 81, л. 33]. Ю.А. Кулаковский тогда же составил любопытное описание мыса Зюк с находящимися на нём руинами древнего поселения [там же, л. 33 сл., 48-49]:

«При ближайшем осмотре местности мыса Зюк я мог констатировать, что его крутая скалистая оконечность была когда-то отделена широким рвом от остальной части полуострова; осыпавшийся вал, возвышающийся над этим рвом, позволяет истолковать себя как остатки стены. Приблизительная длина рва от одного обрыва к морю и до другого – 30 саж. На этом тесном, отделённом от остальной поверхности мыса, пространстве поднимаются два скалистых возвышения, которые издали могут быть приняты за развалины большого здания. На карте, приложенной к известному путешествию Dubois de Montpereux, показаны на мысе “развалины” /ruines²⁷. Но так как автор в своем тексте не сказал ни слова об этой местности, то весьма вероятно, что он сделал свою отметку, приняв за развалины те два скалистые возвышения. Дальнейшая часть мыса в сторону материка представляет каменистое возвышение, покрытое растительной почвой. Широкий горб этого холма в самом высоком своём пункте значительно выше, нежели скалистая оконечность мыса, приблизительно сажена на 10. Предпринятые мною в разных местах пробные раскопки обнаружили в одном месте остатки каменной кладки, но чаще попадались лежавшие в беспорядке камни, принадлежавшие каким-то постройкам. В почве повсюду оказывались во множестве обломки глиняной посуды древнего производства, а именно: лакированной,

²⁷ Руины на этой карте действительно обозначены. См.: Montpéroux, 1843, Atlas, serie I, pl. II.

украшенной изящными рельефами в форме овов, листьев аканта и т.д. ... В изобилии оказывались также кусочки античной штукатурки с гладкой и блестящей поверхностью, выкрашенной в тёмно-красный цвет того тона, который так преобладает в росписи помпейских домов и имел, вероятно, повсюду такую же распространённость.

Восточный склон холма осыпается к морю и представляет в разрезе широкий пласт в 1 саж. и более, состоящий из культурных остатков. Повсюду – обломки амфор, мелкие куски камня и известки, а также и черепки лакированной посуды. Этот слой образовался, очевидно, вследствие того, что вешние воды смывали с верхней части холма остатки древнего поселения.

Существование этого “пепелища” и его расположение заставляет предполагать, что древнее поселение, современное Боспорскому царству, занимало всю вершину холма, а не только обращённую на восток скалистую оконечность, которая в неизвестное нам время была отделена от остальной части холма рвом и стеной.

Некрополь этого поселения лежал у подошвы холма, там, где теперь раскинулось рыбацкое поселение Мамá. Поблизости от того места, где была открыта г. Дириным большая гробница IV в. по Р.Х., сделано было мною несколько раскопок. Грунт оказался очень твёрдым, и на глубине аршина обнаружился слой перегнивших растений, вероятно, морских порослей. В этих раскопках найдены были только две гробницы, расположенные рядом и имеющие общее плитовое покрытие. В одной из них найдены были при совершенно истлевшем костяке следующие вещи: две серебряные серьги, две бронзовые фибулы, бронзовое зеркало и в головах – небольшой глиняный кувшин /4 в<ершка> вышины/. В соседней гробнице не найдено было никаких вещей, кроме маленького глиняного кувшинчика /2 в<ершка> выш./.

Ныне остаётся ещё прибавить, что несколько недель спустя после моего пребывания на мысе Зюк найден был людьми, ломавшими камень в скалистой его части, фрагмент мраморной плиты с надписью, который г. Дириным препроводил в Керченский музей. Форма букв позволяет отнести его ко II или III в. по Р.Х. Надпись включает список граждан /*catalogus civium*/ или членов какого-нибудь общества, так как уцелевший фрагмент её состоит из имён /имя и имя отца/²⁸. Образцы таких списков есть у нас из нескольких городов /Пантикапея, Танаиса, Горгииппии/.

Совокупность изложенных данных позволяет утверждать, что на холме мыса, носящего в настоящее время имя Зюк, существовало поселение с

²⁸ Д. де Монпере был вполне прав. Эта надпись [КБН, 898] действительно является частью списка имён; по характеру письма её датируют III в. н.э.

характером, по всему вероятно, города. Черепки лакированной посуды свидетельствуют, что этот город существовал за несколько веков до Р.Х. Монеты Боспорских царей с I по IV вв. нашей эры удостоверяют непрерывное существование его за этот период времени. Природные условия места делают его очень удобным для поселения мореходов. Широкие бухты с плоскими берегами могут служить удобной стоянкой для кораблей, а высокий холм мыса даёт возможность, смотря по направлению ветра, укрываться с одной или другой стороны».

Основываясь на тексте Птолея, перечислявшего поселения Восточного Крыма в следующем порядке: Парфений, Зенонов Херсонес, Гераклий (Ptol. IV, 4), Ю.А. Кулаковский пришёл к заключению, что, поскольку от Еникале, где локализуется Парфений, до мыса Зюк «не обнаружено нигде пепелища или иных следов, то констатированные ныне остатки города и могут быть приурочены к Зенонову Херсонесу Боспорского царства» [1894, д. 81, л. 48]. Вывод Ю.А. Кулаковского о расположении на Зюке боспорского города Зенонов Херсонес является сейчас общепринятым [ОАК, 1894, с. 9; Масленников, 1992].

В 1895 г. А.А. Дирин предпринял собственные раскопки по соседству от описанных «пепелищ», в Культепе и Сююрташе [Дирин, 1896, с. 123 сл.]. По замечанию Ю.А. Кулаковского, здесь были открыты погребальные сооружения обычных керченских типов: катакомбы и земляные могилы, накрытые каменными плитами. В Сююрташе в присутствии киевского профессора, однако, были раскопаны могилы совсем другого типа, но их описание не вполне вразумительно: «На поверхности холма гробницы устроены в виде ящичков, высеченных в природной скале, которая составляет здесь материк на глубине 1½ аршина (приблизительно 1 м – Ю.В.). А ниже устроены катакомбы в виде отдельных погребальных камер, каждая с входом, обращённым на южный скат холма» [1895 г., д. 90, л. 13].

Кроме памятников Керченского полуострова, Ю.А. Кулаковский обратил внимание и на азиатский Боспор. В частности, он заметил, что в работе В.В. Латышева по боспорской эпиграфике совсем не представлено надгробий из-под Анапы, из чего был сделан вывод, что некрополь Горгиппии всё ещё оставался неоткрытым [1891 г., д. 40, л. 9]. Разыскать этот некрополь в 1891 г. ему помешала нехватка времени и денег [там же, л. 38]. Зато под Сенной на землях Артюхова Ю.А. Кулаковский сумел провести раскопки небольшого кургана, в котором обнаружил лишь разграбленную сырцовую гробницу [там же, л. 38].

В 1894 г. исследователь обратил внимание на неизвестный ранее некрополь у станицы Раевской, состоявший из большого числа сравнительно невысоких курганов, насыпи которых не достигали 1 м. Здесь он раскопал один курган и одну так называемую впускную гробницу. Курган оказался явно средневековым,

он содержал парное погребение, а также захоронение коня. В гробнице были найдены две железные кольчуги, кривая сабля и пр., а на коне находилось седло со стремянами [1894 г., д. 81, л. 52]. «Впускной» Ю.А. Кулаковский посчитал могилу, расположенную рядом с курганом. Она была сооружена в виде грубо сложенного каменного ящика и содержала остатки четырёх костяков. Совсем не исключено, что в данном случае Ю.А. Кулаковский первым из исследователей Боспора открыл каменный ящик, характерный для погребений рядового синдского населения [см.: Масленников, 1981, с. 44-45].

Подводя итог своим исследованиям этого года, Ю.А. Кулаковский отметил, что крупным недостатком боспорской археологии является «отсутствие наблюдений этнографического характера и хронологических определений по отношению к отдельным могильникам и типам вещей, в них находящихся». Трудно поверить, как он писал, чтобы в Крыму ни разу не были открыты могильники готские, гуннские, аланские или хазарские. С элементом горечи Ю.А. Кулаковский констатировал: «Не столько отсутствие данных, сколько равнодушие к этой стороне дела было тому причиной». Распределение типов вещей на конкретных территориях, как ему казалось, поможет уяснить «древнейшую историю южных пределов нашего отечества» [1894 г., д. 81, л. 55]. Необходимо с полной очевидностью признать, что в российской античной археологии именно Ю.А. Кулаковский первым обратил внимание на важность этнических атрибуций открываемых памятников древности, прежде всего могильников. Однако создание задуманной им схемы распределения типов погребений на территории Боспора требовало огромной аналитической работы, которая, в принципе, не завершена до сих пор. Вероятно, стремясь накопить побольше «наблюдений этнографического характера», Ю.А. Кулаковский с 1896 г. обратился к изучению археологических памятников внутреннего Крыма.

Вместе с этим исследователь очень большое внимание уделил составлению археологической карты района [ОАК, 1894, с. 7; 1896, с. 69]. В 1890 г. по просьбе Ю.А. Кулаковского был снят подробный план горы Митридат, на котором он хотел обозначить все имеющиеся раскопы. Задача, однако, оказалась отнюдь не простой, и, несмотря на все сделанные дополнения, план оказался практически пустым [1891 г., д. 40, л. 36-37]. В Керченском музее материалов для исправления такого положения почти не было, и Ю.А. Кулаковский надеялся, что более надёжные результаты даст работа в Архиве ИАК в Петербурге. Не ограничиваясь планом горы Митридат, он настаивал на необходимости создания археологической карты, которая бы включала местности, куда археологи ещё практически не проникали, к примеру, внутренние районы Крыма и крымское Приазовье. Ю.А. Кулаковский предлагал лично осмотреть названные районы [1894 г., д. 81, л. 55]. В этой работе ему обещал помочь К.Е. Думберг, но лишь для территории Керчи и местностей к востоку от города [1895 г., д. 90, л. 13]. В сбор материалов по внутренним районам Крыма активно включился правитель

дел Таврической учёной архивной комиссии А.И. Маркевич. Для составления такой карты, естественно, нужна была хорошая топооснова, за которой А.А. Бобринский обратился в военно-топографический отдел Генерального Штаба [1895 г., д. 12, л. 1]. Военные специалисты предложили археологам трёхвёрстную карту Крыма на 17 листах [там же, л. 2]. Такой масштаб для обозначения археологических объектов, естественно, слишком мелкий, но в конце концов была получена одновёрстка (одна верста в одном дюйме). На составление археологической карты Крыма выделили 300 рублей, и работы в этом отношении были начаты. Завершения их, конечно, нельзя было ожидать через год-два, они требовали немало времени и значительных усилий. Можно предполагать, что А.И. Маркевич сделал для составления карты достаточно много, но 22 сентября 1889 г. он направил в ИАК письмо, в котором информировал Комиссию, что семейные обстоятельства не позволяют ему закончить сбор материала для составления археологической карты [1895 г., д. 12, л. 17]. Как видим, замыслам Ю.А. Кулаковского в этом отношении не суждено было сбыться.

Подводя итог сотрудничеству Императорской археологической комиссии с Ю.А. Кулаковским, следует обратить внимание, что она приняла самое живое участие в публикации «Очерка истории Крыма от древнейших времён до исхода христиан в 1779 г.», подготовленного киевским профессором [см.: 1906 г., д. 10]. Этот очерк вышел из печати под названием «Прошлое Тавриды» и выдержал два издания [Кулаковский, 1906]. Книга вызвала очень большой интерес как в кругу специалистов, так и среди широкой публики²⁹, второе её издание увидело свет в 1914 г.

4.11. Завершая XIX в.

В 1899 г. А.А. Бобринский совершил поездку в Керчь и Севастополь и ещё раз осмотрел открытые там памятники классической древности. Свои впечатления он выразил в рапорте, направленном министру Императорского двора в ноябре этого года. О Керчи в нём сказано следующее [1899 г., д. 99, л. 5-8]:

«В Керчи, как Вашему Высокопревосходительству известно, раскопки Археологической Комиссией ведутся членом ея, г. Думбергом, живущим в Керчи, где он заведует музеем Комиссии. Музей этот помещается

²⁹ Часть тиража распространялась через Керченский музей, где «Прошлое Тавриды» находило постоянный спрос. Последний раз, уже в 1917 г., заказ на книгу для музея был оформлен в количестве 100 экземпляров. В связи с этим В.В. Шкорпил писал в ИАК 5 декабря 1917 г., что им получено 98 экземпляров, а «две книги, по-видимому, в дороге пропали» [1906 г., д. 10, л. 112]. Этот эпизод можно рассматривать как свидетельство по-настоящему большой популярности книги Ю.А. Кулаковского.

в наёмной квартире, но представители городского управления заявили мне, что город Керчь охотно принял бы значительное участие в сооружение особого здания для музея и согласились бы на ассигнование ежегодной субсидии на его содержание, с тем, чтобы музей оставался в ведении Археологической Комиссии. Очевидно, что на сооружение музея и на дальнейшее его содержание потребуется правительственное ассигнование. Размеры этого расхода должны быть подробно выяснены, но, в принципе, нельзя не признать вполне желательным содействие со стороны правительства к постройке в г. Керчи особого здания музея и к поддержанию его существования. В этом отношении следует предоставить Археологической Комиссии всесторонне выяснить финансовую часть дела.

В Керчи существуют особые кладоискатели, именуемые “счастливыми”. Их занятие – розыск древних могил в дворах, усадьбах, садах, курганах и т.п. Найденные предметы продаются известным скупщикам древностей. Благодаря энергии г. Думберга, сумевшего заручиться содействием администрации и суда, деятельность счастливых весьма сокращена, и положение вещей, которое я застал в Керчи 12 лет тому назад, когда кладоискательство производилось повсеместно, значительно изменилось к лучшему. Из этого явствует, что в Керчи следует постоянно иметь представителя Комиссии, в лице человека энергичного и знающего, дабы он своим авторитетом приобрёл уважение администрации и суда, от содействия коих много зависит успех дела. Было бы, может быть, возможным установить правила, стесняющие продажу керченских древностей. Мера эта требует, конечно, большой осторожности, но всё же в виду пользы, которую она бы принесла, следовало бы ныне заняться составлением проекта такого закона и обсудить возможность его применения. Запрет продажи древностей в Керчи и закрытие таких центров, как, например, известная торговля кабатчика Запорожского, было бы, по моему мнению, полезным делом. Торговцы древностями обогащаются на счёт наивности находчиков, которые уступают им вещи, по большей части, за рюмку водки. Влияние таких центров скупа краденного вредно не только с археологической точки зрения, но и вообще безнравственно. Местом склада для вещей громоздких, камней с надписями, статуй, колонн и т.п. служит Царский курган – высокая земляная насыпь, во внутренности коей была обнаружена большая каменная постройка прекрасной работы. Здесь сложены многочисленные древние памятники. Для охраны кургана он обведён каменной стеной. При входе в особом домике живёт сторож Археологической Комиссии. Из Царского кургана Императорский Эрмитаж выбирает те памятники, которые заслуживают перевода в С-Петербург.

Другой курган такого же типа, как и Царский, находится в центре города и принадлежит Одесскому Обществу истории и древностей³⁰. Им заведует особый управляющий Общества. Казалось бы логичным, чтобы Общество передало этот курган Комиссии, о чём будут начаты переговоры, тем более, что Одесское Общество не имеет другой собственности в Керчи, тогда как Археологическая Комиссия ведёт здесь обширные раскопки и охраняет многие местности, в числе коих оберегает несколько катакомб.

Так, в усадьбе Зайцевой открыта катакомба в виде подземной погребальной камеры с интересными фресками³¹. Г. Думберг, насколько оказалось возможным, укрепил фрески, устроил вход и дверь с замком и представил собственнице усадьбы показывать катакомбу посетителям. Другая катакомба с фресками и надписями, за неимением средств на содержание особого сторожа, засыпана землёй и откапывается (на что требуется ½ дня работы) по просьбе желающих её посетить. Наконец, во время моего пребывания в Керчи посчастливилось вновь отыскать большую катакомбу с фресками, пользующуюся громкою известностью, местонахождение которой в течение последних 27 лет было потеряно. Сохранить эту катакомбу придётся тем же способом, т.е. закопать её землёй³². Само собой разумеется, что было бы желательно соорудить при каждой из этих катакомб небольшой каменный вход и содержать особого надсмотрщика за их сохранностью. Расход этот потребует лишь незначительного увеличения сметного ассигнования. Быть может, окажется даже возможным вырезать некоторые из фресок и перевести их целиком в Эрмитаж. Такой способ проектируется в Помпеи, откуда возможно бы выписать в Керчь специалиста. Исторический интерес этих фресок оправдывает сопряженный с таким проектом расход.

Существуют и другие прекрасные каменные постройки, наприм., гробницы в курганах на горе Юз-Оба и по направлению к Ени-Кале, каменная циклопическая стена и т.п. Крайне желательно охранить эти памятники. Потомство может осудить нас за допущение подобных древних сооружений к разрушению; но не решаюсь просить об ассигновании средств на их охрану в виду нужд более насущных.

Раскопки в Керчи ведутся уже более 50 лет. При розысках за ценными вещами перерыты все курганы, и в настоящее время находка выдающихся античных произведений в Керчи – дело нелёгкое. Если бы подвергнуть все уже разрытые ранее курганы новым систематическим раскопкам, то нет сомнения, что сделаны будут великолепные находки, так как в каждом

³⁰ Имеется в виду Мелек-Чесменский курган.

³¹ На земле А.В. Зайцевой, как известно, находился склеп Деметры.

³² Имеется в виду так называемая «Стасовская» катакомба.

кургане раскопана только часть, и многие полы насыпей остались нетронутыми. Но такие раскопки стоят очень дорого в виду высоты керченских могильных насыпей.

За последние годы на горе Митридат в Керчи обнаружены фундаменты древних построек. Для того, чтобы понять значение этих фундаментов и разобраться в них, требовалось основательное знание классической старины, каким обладает г. Думберг. Как в Херсонесе, так и в Керчи обнаруживается нечто в виде маленькой Помпеи. Здесь открыты фундаменты римских бань с полами, фресками, трубами для провода воды, прекрасными каменными колодцами, из коих извлекается и поныне вода. Открыт небольшой храм с колоннами и разными атрибутами. Можно надеяться на ряд важных находок в будущем, но очевидно, что такие работы требуют денежных средств и притом средств как на самое производство раскопок, так и на сохранение найденного от разрушения, на реставрацию, надсмотрщика и т.п. Часть горы Митридат состоит в ведении военного ведомства, которое, по-видимому, не встретит препятствий к передаче ее в полное распоряжение Археологической Комиссии, о чём Комиссия имеет в виду начать переговоры.

Желательно было бы, чтобы предназначенные на Керчь деньги ассигновывались бы Министерством особым кредитом по смете Археологической Комиссии в том же размере, как было первоначально ассигновано на Херсонес, то есть 4 000 рублей.

В бытность мою в Керчи известный собиратель древностей А.В. Новиков изъявил готовность уступить своё собрание Императорскому Эрмитажу, вследствие чего я предложил г. Новикову доставить свою коллекцию в Петербург для осмотра и оценки, если бы Эрмитаж пожелал приобрести оную³³».

Рапорт А.А. Бобринского как бы подводит итог деятельности Археологической комиссии в XIX в. Век грядущий, как ему представлялось, сулил новые успехи в изучении древностей Боспора Киммерийского. Имевшиеся недостатки и упущения, в общем, можно было устранить. Следует обратить особое внимание, что А.А. Бобринский подчёркивал необходимость заботы о сохранении памятников Боспора от разрушения, их реставрации и т.д. Многие из задуманного председателем Археологической комиссии осуществить на практике не удалось. Понятно, что связано это было как с недостатком средств, отсутствием необходимого количества квалифицированных специалистов, другими рутинными обстоятельствами, так и с политическими потрясениями, ожидавшими тогда Россию.

³³ Коллекция А.В. Новикова в количестве 535 предметов была приобретена Императорской археологической комиссией в 1900 г. [Неверов, 1999, с. 58].